

В праздничные дни, когда советские люди подводят итоги своего мирного созидательного труда...

Обращенное к народу мудрое слово партии всегда воспринимается нашими людьми, как выражение их собственных мыслей...

Руководствуясь передовой марксистско-ленинской теорией, партия на каждом этапе коммунистического строительства...

Призывы ЦК ВКП(б) в 34-й годовщину Великой Октябрьской социалистической революции...

Постепенный переход к коммунизму требует гигантского развития производительных сил страны, широкого внедрения в промышленность и сельское хозяйство...

Постепенный переход к коммунизму требует не только всемерного усиления объема промышленной продукции...

Переход к коммунизму требует нового мощного подъема всех отраслей социалистического сельского хозяйства...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Вечер памяти Аркадия Гайдара

25 октября в Краснознаменном зале Центрального дома Советской Армии состоялся вечер, посвященный памяти замечательного советского писателя Аркадия Петровича Гайдара.

Советский человек хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей. Он вправе иметь богатый выбор промышленных и продовольственных товаров отличного качества...

Решение великих задач построения коммунизма в нашей стране требует от советского народа огромной энергии, самоотверженности, упорства, высокой сознательности и дисциплины...

Нелегко было восстанавливать народное хозяйство страны после суровых лет Отечественной войны, нелегко было в столь короткий срок превзойти довоенный уровень. Однако советские люди, тесно сплотившись вокруг партии Ленина — Сталина, одержали эту славную победу.

О новых успехах социалистической экономики свидетельствует опубликованное на днях Сообщение Центрального статистического управления об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1951 год за третий квартал.

Итоги первой послевоенной пятилетки и успешное выполнение народнохозяйственного плана за три квартала 1951 года вновь и вновь демонстрируют всему миру, что наш строй, Советский строй, дает нам такие возможности быстрого продвижения вперед, о которых не может мечтать ни одна буржуазная страна.

Великий опыт Советского Союза вдохновляет трудящихся стран народной демократии, многомиллионный народ свободной Китая, демократические силы Германии, передовые люди всего мира.

ЦК ВКП(б) призывает неустанно расширять и укреплять международный фронт сторонников мира, добиваться заключения Пакта Мира между пятью великими державами, разоблачать и срывать агрессивные планы американско-английских империалистов.

За законной гордостью за свою могучую Родину, в обстановке исключительного политического и производственного подъема встречают советские люди 34-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Приятно и радостно видеть народу богатые плоды своего самостоятельного труда.

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

Обращаясь к советским писателям, художникам, композиторам, деятелям театра и кино, ЦК ВКП(б) призывает: «Работники литературы, искусства, кинематографии! Неустанно совершенствуйте свое мастерство!...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 128 (2846)

Суббота, 27 октября 1951 г.

Цена 40 коп.

МИР И ТРУД

Юрий ДИКОВ, мастер московского станкостроительного завода им. Серго Орджоникидзе, лауреат Сталинской премии

Мы, советские рабочие, знаем — каждая деталь машины, каждый кирпич, каждый метр ткани, сделанные нашими руками, укрепляют могущество социалистической Родины — ослота мира на земле.

В годы войны по несколько смен стояли мы у станков, неделями не выходили из цеха. Наш труд ковал победу.

Вот почему мы по-особому воспринимаем слова «мирный труд». Для меня в этих словах заключается не только гарантия дальнейшего расцвета моей Родины, но и счастье моего труда, счастье осуществления моих творческих замыслов.

В суровый 1943 год подростком пришел я на завод. Как родных, встретили здесь меня и моих товарищей. Мастер Андрей Николаевич Гончаров учил нас управлять станками, по-отечески журил за ошибки и радовался нашим первым успехам.

Гонимая война. Наш завод в числе других московских предприятий включился в борьбу за досрочное выполнение послевоенного пятилетнего плана.

Все чаще у нас слышалось слово «скорость». Каждый токарь был убежден: чем скорее будет работать его станок, тем прочнее будет резец, тем быстрее будет продвижение к коммунизму.

Есть в характере наших токарей одна черта: достигнет кто-нибудь очередного увеличения скорости станка, внесет изменение в конструкцию резца, а через некоторое время, глядя, уже и эта скорость кажется недостаточной малой и резец несовершенным. Желание найти что-то новое, добиться ускорения работы никогда не оставляет советского человека.

Труясь по несколько часов над нарезкой сложной детали, я часто думаю: какую более совершенную форму придать резцу, чтобы он дольше и точнее работал, как лучше и быстрее крепить деталь и производить ее замену?

Личные наблюдения и опыт работы лучших скоростников страны подсказывали, где искать ответы на эти вопросы. Но даже самые верные мысли нуждались в теоретическом, научном обосновании. Пришлось рыться в книгах по станкостроению, изучать теорию резания, высчитывать, изготовлять образцы. Все это я делал вместе с Николаем Чижиковым, а мастер цеха Гончаров направлял наши опыты. Понадобилось много терпения, пока удалось найти такую геометрию заточки резца, которая позволяла одновременно и протезировать деталь и производить ее отрезку.

Хорошо помню тот день, когда я впервые пришел на станок. Это совпало с началом выполнения нового заказа нашим заводом: изготовлением автоматической линии для Автозавода имени Сталина. Линия эта, требовавшая много резцовых работ, выполняемых на токарном станке, должна была намного увеличить выпуск новых автомашин, так необходимых нашим стройкам, колхозам, предприятиям.

В первый день я выполнил 7 норм, а затем мой выработка достигла 75 норм в смену. Наш метод быстро распространился — вскоре два цеха и тринадцать предприятий уже работали на высоких скоростях.

Все более улучшая технологию обработки деталей, мы довели скорость станка «А-62» до 1600 оборотов. Деталь нарезаем за 30—45 секунд. Сложные операции, на которые раньше затрачивалось 175 минут, теперь производим за 2 минуты 47 секунд. Десятки тысяч станочников советских заводов знают: между скоростью резания и борьбой за мир есть прямая зависимость.

В Берлине мы посетили клубные советских воинов. Большая книга, лежащая здесь под стеклом, хранит имена тех, кто пал в последнем бою с фашизмом. Среди них — три близких мне человека, братья моей матери.

А вечером на митинге я слышал выступления новых людей новой Германии. Обращаясь к нам, они говорили: «Мы перенимаем ваш производственный опыт, и это помогает нам в битве за мир».

Недавно с делегацией советских металлургов и побывав в другой стране, поблагодарил я родных в Финляндии.

Трудящиеся Финляндии тепло встретили нас. Мы рассказывали им о мирной жизни и работе советских людей.

Очень удивило слушателей, что у меня, двадцатипятилетнего рабочего, много последователей — токарей, что немало выпущена моя книга об опыте работы, что я, простой токарь, читаю лекции для технических работников и станочников.

Как не похожа на наши судьбы оказалась судьба моего финского сверстника — токаря завода в Хельсинки. Семья его состоит из пяти человек. До недавнего времени работали он и отец. Но вот отец заболел. Пришлось отправить его в больницу, а это потребовало много денег. Семья вынуждена была перебраться в сарай.

30—40 процентов заработка финского рабочего уходит на уплату налогов. Цены на продукты и жилье непомерно высоки — финское правительство, послужившее своих американских хозяев, тайно готовит к войне, вызывая тяжелое бремя расходов на плечи трудящихся.

Не всегда, однако, нам удавалось свободно говорить с рабочими. Помню такой случай. В проходной одного из заводов к нам хотел позвать юноша, но охранник грубо оттолкнул его, заявив: «Работодатель запрещает разговаривать с русскими».

И все же много незабываемых встреч было у нас. Особенно запомнился отъезд из города Турку.

На автобусной станции стихийно возник митинг. Кто-то в толпе задал «Вопрос демократической молодежи», все подхватило его, и роная мелодия разнеслась по всему небольшому городу.

Ораторы смеялись один другого. Выступили рабочие, домашние хозяйки, люди умственного труда. Ножная женщина приложила мне к груди значок — голубя мира и, повернувшись ко всем, крикнула: «Финские матери не позволяйте, чтобы их дети и внуки воевали против Советского Союза!»

Потом на ступеньку автобуса поднялся пожилой рабочий. Его слова навсегда останутся в моей памяти. Он сказал: «Вы знаете, финн дарит нож только самому лучшему другу в знак большого уважения. И я дарю его русскому человеку потому, что он хочет мира и для моей Финляндии! Советский Союз — наша надежда, надежда мира!»

Недавно мне, как и многим другим советским рабочим, за усовершенствование методов труда вручили высокую награду — нагрудный знак лауреата Сталинской премии.

А через несколько дней я поставил свою подпись под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Подписывая этот великий документ, я думаю о токарях-скоростниках Польши, о рабочих демократической Германии, осваивающих методы работы советских станочников, я думаю о финском юноше, который жаждет мира, чтобы добиться участия в мирной борьбе за мир и своим плечом к плечу! И мы не позволим кучке преступников разжечь пожар новой войны!

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Ораторы смеялись один другого. Выступили рабочие, домашние хозяйки, люди умственного труда. Ножная женщина приложила мне к груди значок — голубя мира и, повернувшись ко всем, крикнула: «Финские матери не позволяйте, чтобы их дети и внуки воевали против Советского Союза!»

Потом на ступеньку автобуса поднялся пожилой рабочий. Его слова навсегда останутся в моей памяти. Он сказал: «Вы знаете, финн дарит нож только самому лучшему другу в знак большого уважения. И я дарю его русскому человеку потому, что он хочет мира и для моей Финляндии! Советский Союз — наша надежда, надежда мира!»

Недавно мне, как и многим другим советским рабочим, за усовершенствование методов труда вручили высокую награду — нагрудный знак лауреата Сталинской премии.

А через несколько дней я поставил свою подпись под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Подписывая этот великий документ, я думаю о токарях-скоростниках Польши, о рабочих демократической Германии, осваивающих методы работы советских станочников, я думаю о финском юноше, который жаждет мира, чтобы добиться участия в мирной борьбе за мир и своим плечом к плечу! И мы не позволим кучке преступников разжечь пожар новой войны!

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

Обратившись к товарищу, немец заметил: «Густав, мне кажется, это не токарь, а техник или инженер». А затем попросил меня показать руки.

Любой токарь знает человека своей профессии по мозолитой ладони. Так было и на этот раз: от сомнений немецкого токаря не осталось и следа...

Когда переводчик назвал мою фамилию, за лице немецкого токаря появились сомнения. Он, очевидно, представлял меня пожилым человеком, добившимся высоких скоростей резания только в результате многолетнего практики.

К СОБЫТИЯМ В ЕГИПТЕ

Положение в Египте обостряется с каждым днем. Английское правительство перебрасывает в зону Суэцкого канала все новые и новые воинские части. Британские войска стягиваются в Египет с островов Кипр и Мальта, из Триеста и даже из метрополии. «Все события последних дней, имевшие место в зоне Суэцкого канала», — сообщает радио Дамаска, — свидетельствуют о том, что Англия действует так, как будто бы она уже находится в состоянии войны с Египтом».

С обычным ханжеским лицемерием вся английская буржуазная пресса трубит о том, что-то безоружные египетские студенты и феллахи... «угрожают» безопасности вооруженных до зубов английских гарнизонов. Вот, например, лондонская газета «Пилс» вышла на днях с заголовком: «Новые контингенты войск посланы для того, чтобы отразить новую угрозу со стороны Египта! Но вопли о мнимой «агрессии» Египта не могут скрыть очередного крупнейшего провала британских империалистов на Ближнем Востоке».

В ответ на агрессивные действия империалистов, захвативших ряд населенных пунктов, государственный совет Египта срочно одобрил закон о всеобщей мобилизации. Негодованием охвачены все слои египетского народа. В национально-освободительную борьбу включаются все более широкие слои рабочих, крестьян, интеллигенции, учащейся молодежи. В Каире, Александрии, Порт-Саиде, в других городах, а также в населенных пунктах Судана не прекращаются демонстрации и митинги в поддержку решения о денонсировании кабального англо-египетского договора 1936 года. Народы Сирии, Ливана и других арабских стран заявляют о полной поддержке национальных чаяний Египта.

Только завзятые прислужники империализма, в роли турецких правителей, пытаются «оправдать» насильственные действия английских оккупантов. При этом, однако, они лишь еще более раскрывают свою лживую сущность. Так, один из лидеров правящей «демократической» партии Турции, редактор газеты «Зафер» Фанк Феник упрекает египтян в нежелании отдать свою территорию в распоряжение англо-американского блока «в тот момент, когда сама Великобритания предоставляет базы для американских военно-воздушных сил».

Довод, что и говорить, убийственный! Но вряд ли в Лондоне будут довольны медвежьей услужливостью г-на Феника...

Английские буржуазные газеты, делая вид, что им ничего не известно о стремлении американских «партнеров» прибрать к рукам и Египет в Судан, с кляушным видом высказывают «надежду» на «урегулирование» англо-египетских отношений... при содействии США. Но это лишь старая английская манера делать хорошую мину при плохой игре. Опыт американского «посредничества» в Иране не сулит ничего хорошего лондонским «младшим партнерам».

В то же время печать Уолл-стрит не скрывает своего разочарования по поводу того, что империалистам не удалось втянуть Египет в свои агрессивные планы путем превращения его к участию в так называемом «средневосточном командовании» Атлантического блока. Говоря о том, что при приглашении Египта было «несвоевременным», европейский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Суальбергер с горечью заявляет: «Это сенсационное предложение, в сущности, представляет собой попытку закрыть дверь конюшни после того, как лошадь уже убежала».

Любопытное признание! Оно свидетельствует о том, что империалисты США не так-то легко «внушают» египетскую (как, впрочем, и иранскую) «лошадь» даже после того, как английские колонизаторы вынуждены из села! Народы Востока все смелее и решительнее сбрасывают с себя англо-американских колонизаторских «наездников», не желая связывать свою судьбу с судьбой агрессоров и поджигателей войны.

ЛИТЕРАТОР

Искусство миллионов

Громадные силы подняты к искусству из самой толпы трудящихся масс! Кажется, нет такого жанра, нет такой области искусства, куда бы не были устремлены интерес и глубокое, пристальное внимание артистов из народа — людей, которые занимаются искусством после трудового рабочего дня, но учатся ему непрерывно.

Есть в самодеятельном искусстве наших дней еще одна характерная черта: если прежде люди ехали в Москву за песнями, то теперь у нас люди поют всюду, урочьями разных городов страны слушают песни столицы и сами ведут в нее песни, пляски, музыку, спектакли — образцы народного творчества, созданные в их родных краях. Коллективы исполняют произведения, содержание которых им дорого и близко. О восстановлении родного города, о великих стройках коммунизма поют в сложнейших им песнях участники Воронежского хора строителей; в ярком колхозном танце, который исполняет ансамбль песни и пляски Тимлянского трамвайно-троллейбусного управления, раскрывается картина счастливого колхозного труда. Большой человеческой правдой звучали со сцены слова партизан в спектакле «Константин Залознов» А. Мовзона, поставленном клубом железнодорожников города Орши, где участники спектакля — это участники партизанского отряда Залознова. Урались привезли инсценировку «Малахитовой пшатулки» П. Бажова, киевляне — «Калинушку рощу» А. Корнейчука.

В спектаклях, которые я видел, меня порадовало одно примечательное и очень важное, на мой взгляд, качество: это отказ от подражания профессиональному театру, собственная, оригинальная трак-

товка драматических произведений. Исполнители не просто добросовестно следуют уже готовым образцам искусства, а ищут самостоятельное решение того или иного образа, пользуются собственными жизненными наблюдениями и исходя из них, по-своему осмысливают характеры героев.

Лучшие из спектаклей, которые мы видели на смотре, — спектакли о современности, о советских людях. Это не случайно. Ведь люди, играющие в них, — рабочие, инженеры, техники, студенты, — хорошо знают жизнь и в песнях встречаются с уже знакомыми явлениями и ситуациями. Участники самодеятельного спектакля приносят с собой живые, непосредственные впечатления, какие-то очень ценные, очень помогающие ему детали. Поэтому большая правда, достоверность событий чувствуется в спектаклях «Степь широкая», «Пюит заводничка», «Аттестат зрелости» и других.

Почему по-настоящему волнует зрителя спектакль «Директор»? Да потому, что события, происходящие в пьесе, — это дела и жизнь его завода. Если раньше участники спектакля, играя роль, смотрели на жизнь сквозь призму театра, представляя, как бы сыграл эту роль настоящий актер, то теперь он полнее чувствует своего героя в действительности, увидел его у себя в цехе и уже не допускает фальши в наигрыва. В игре участников спектакля «Директор» есть такие подробности и детали, которые не скажет ни автор, ни режиссер. И когда драматург кое-где изменяет правде жизни, — исполнители смело направляют его. Так токарь В. Рубинский, играя центральную роль директора автозавода Степанова, снимает не-

важную sentimentalность образа, наделяет его большей простотой и мужественностью, то есть делает характер правдивее и живнее.

Смотр художественной самодеятельности — не только праздничный показ достижений народного творчества. Это и своеобразный отчет, экзамен на творческую зрелость. Искусство народа должно развиваться, крепнуть, а мы, профессионалы, обязаны помочь устранить то, что еще мешает росту самодеятельности.

Часто в спектакле мы ощущаем таланты актеров, их самостоятельность и темперамент и видим, что режиссура не помогла раскрыться актерской индивидуальности. Ощущается плачевная робость, а иногда и беспомощность режиссера, и только богатый жизненный опыт исполнителя помогает верному, правдивому решению спектакля. И тут мы, работники искусств, в большом долгу перед самодеятельностью. Мы не помогаем росту ее режиссерских кадров, а организации, которым надлежит этим заботиться, мало заботятся о повышении квалификации руководителей кружков и ансамблей.

Здесь возникает вопрос и об освещении наследства Станиславского и Мейерхольда. Ведь незнание основ актерского мастерства, работа «нашопу» мешают творить самостоятельно, приводят к подражанию, а к подражанию.

Размах самодеятельного движения, число и умение его участников властно требуют новых форм творчества и помощи этому движению.

Ухоженное и творческое миллионы советских людей — показатель зрелости духовной культуры советского общества. Любимо выпрашивать народные таланты, заботиться о развитии самодеятельности — значит содействовать духовному росту всего советского народа.

важную sentimentalность образа, наделяет его большей простотой и мужественностью, то есть делает характер правдивее и живнее.

Смотр художественной самодеятельности — не только праздничный показ достижений народного творчества. Это и своеобразный отчет, экзамен на творческую зрелость. Искусство народа должно развиваться, крепнуть, а мы, профессионалы, обязаны помочь устранить то, что еще мешает росту самодеятельности.

Часто в спектакле мы ощущаем таланты актеров, их самостоятельность и темперамент и видим, что режиссура не помогла раскрыться актерской индивидуальности. Ощущается плачевная робость, а иногда и беспомощность режиссера, и только богатый жизненный опыт исполнителя помогает верному, правдивому решению спектакля. И тут мы, работники искусств, в большом долгу перед самодеятельностью. Мы не помогаем росту ее режиссерских кадров, а организации, которым надлежит этим заботиться, мало заботятся о повышении квалификации руководителей кружков и ансамблей.

Здесь возникает вопрос и об освещении наследства Станиславского и Мейерхольда. Ведь незнание основ актерского мастерства, работа «нашопу» мешают творить самостоятельно, приводят к подражанию, а к подражанию.

Размах самодеятельного движения, число и умение его участников властно требуют новых форм творчества и помощи этому движению.

Ухоженное и творческое миллионы советских людей — показатель зрелости духовной культуры советского общества. Любимо выпрашивать народные таланты, заботиться о развитии самодеятельности — значит содействовать духовному росту всего советского народа.

ТРИНАДЦАТЫЙ РЕИС

1. От причалов Мурманского порта рыболовный траулер «Сталін» отошел глубокой ночью. Над Колеским залом дул не сильный, но зыбкий северный ветер. Небо было чисто, но на нем, как это бывает за Полярным кругом, почти не видно было звезд, и только вдали, над скалами, высоко-высоко светилась неширокая, по-осеннему бледная полоса северного сияния. Корабль шел в своей очередной рейс — тринадцатый в нынешнем году.

Обстановка была самой будничной, деловой, ничто, казалось, не говорило о том, что в этот тринадцатый рейс экипаж шел, как поземье выразился полковник Попов, с особым чувством волнения, помноженным на особое чувство ответственности: экипаж встал на стахановскую вахту мира и обаялся завершить годовую план вылова рыбы.

— Право на борту! — командует капитан Андрей Яковлевич Макалов, и старший штурман Павел Ташлыков строго смотрит на штурвал: быстрее, мол, шведись.

Старший штурман молод, ему только исполнилось 24 года. Капитану он годится в сыновья; капитан и плавать-то начал задолго до того, как Павел Ташлыков появился на свет. Он широк в плечах, немногословен, его чуть пухловатое лицо всегда выражает полнейшую невозмутимость. Это, вероятно, не столько от характера, сколько от многоопытности, от уверенности, что в море с ним не может случиться ничего такого, что застало бы его врасплох.

Макалов — коренной помор. Слово это производное от «морья», но не вообще моря, а северного, студеного, сурового моря, никогда, даже в долгий полярный день, не современного солнцем. С этим морем Андрей Яковлевич познакомился семь лет от роду — отец взял его тогда на звероходный промысел, а одиннадцать лет мальчик помор уже пошел шойгой на паруснике в Порвунгу.

Траулер набирает ход, мерно стучат машины, чуть подрагивает под ногами палуба. В утробе Колеский зал остается позади. Чем дальше в открытое море, тем больше нагнетают свою силу волны, корабль с тридцатиградусным креном дождится с борта на борт. Тонкая вода в Баренцовом море невообразима, недаром Макалов считает, что даже в Атлантике шторм переносится куда легче.

Отбиваясь от наседающих волн, идет вперед корабль с гордым и великим именем, нестерпимым на капитанском мостике. Бредает ветер, холодная вода захлестывает палубу, тяжелые рыльные облака, разстеленные ветром, плывут низко над мачтой, а корабельная жила плет своим обычным размеренным порядком. У тех, кто свободен от вахты, дел пока немного — большая работа начнется, когда возмужит первый траул рыбы, — и жизнь в море в эти часы совсем как на суше: кто склонился над шахматной доской, кто над книгой, кто слушает репортаж о футбольном состязании в Москве. Предустановка Ремезов составляет план профессиональной работы на рейс, помощник Попов готовит лекцию «Советский народ на страже мира», а штурман Ташлыков «ушел в кино».

Странно услышать в открытом море эти «зачинные» слова «ушел в кино», но еще более странно видеть шторм на явране в это время, как штормует самый явранел в зрители на своих местах с трудом удерживают равновесие.

2. На корабле рассказывают смешную историю про одного мелкого штурмана-практиканта, помещенного на большой пароходе в свое первое учебное плавание. Штурман стоял почью на вахте. И вот, когда пароход вышел из Белого в Баренцовое море, он вдруг увидел вдали очертания большого города. Штурман сверился с картой — никакого города быть не долж-

но. Может быть, пароход сбился с курса? Он бросился в капитанскую каюту: «Товарищ капитан, по курсу — город! Как держать?» Капитан вошел в рубку, поглядел и сказал, засмеявшись: «Держи прямо по главной улице». Он-то знал, что это были огни не города, а сотен рыболовных судов, траулеров тут и там.

Эта история вспоминалась мне, когда мы подошли ночью к месту лова. Вокруг, сколько видел глаз, сверкали огни — и впрямь флотилию траулеров можно было принять за большой город.

Спустили за борт траул, дали «полный вперед». Второй штурман Корабельников нетерпеливо поглядывает на часы, каждые пять минут включает эхолот — прибор для определения глубины. Важно, чтобы она была не ниже 300 метров — именно на этой глубине держатся нынче обнаруженные в этом районе косяки морского окуна. Не утерпев, поднимается в рубку Ташлыков. На вахту ему заступать только через два часа, надо бы подждать, но перед подъемом первого траула он не идет. Не мигая, выдвигается Ташлыков в черную воду, словно хочет схватить его толпу увидеть гигантский сетчатый мешок, что тянется по дну, выбирая в свою широко раскрытую пасть косяки рыбы.

Между тем небо на востоке начинает сереть. Вдали виднеется норвежский берег. Хмурая, неприветливая с виду, скалистая земля. Между горами приткнулся небольшой городишко, густо дымят труба какого-то заводика.

— Варде, — говорит Макалов и, помолчав, добавляет: — Наши освобождали. Он берет бинокль, всматривается в корабль, что ловит рыбу у самого берега, и сразу определяет — англичанин. А много мористее одиноко маячит маленький норвежский ботик. Символическая картина!

Холодное, петрихое солнце выплывает из-за горизонта. На удивление тихим, покойным проснулось с рассветом отлежавшее за ночь море — не запеленет, не загрохот, как бывало, громом артиллерийских канонад, ревом пикирующих самолетов, тающим грохотом взрывов.

Принято говорить, что море не хранит следов. Нет, оно хранит их. Однажды выставляя в трале трепежу — ее огромное спигарообразное тело, похожее на гигантскую рыбку, тускло и мрачно поблескивало сквозь сеть. В другой раз вытравляли медузу, в третий — облаки сбитого в воздушном бою самолета... Такое же подалось, верно, не раз англичанам, французам, бельгийцам, норвежцам, всем, кто по соседству с нашими кораблями промышлял в Баренцовом море. Напоминала ли им это так же остро, как и советским морякам, какой дорогой ценой досталась человечеству мир, пробуждало ли в них, как будит в советских моряках, решимость отстаивать его, бороться за него словом и делом, всеми силами своей души, всем жаром своего сердца?

...Нельзя было не вздрогнуть, услышав вдруг подал себя, в капитанской каюте, густой баритон:

— Доброе утро, товарищ капитан, помощники, штурманы, трамлейстеры, радисты!

Это флагманский капитан-наставник Виталий Михайлович Маевский, руководитель лова, находившийся за много десятков миль отсюда, на борту одного из траулеров, открывал очередное радиосообщение. В каждый из капитанов, вступающих в разговор, начинал свой доклад теми же словами:

— Доброе утро, товарищ капитан-наставник, доброе утро, товарищ капитан, помощники, штурманы, трамлейстеры, радисты!

Обычно, издавна установленное приветствие. Но в нынешнем рейсе, и особенно в нынешний день, когда морякам траулеров флота предстояло скрепить своими

подписями Обращение Всемирного Совета Мира, это традиционное приветствие звучало как-то особенно тепло...

Доброе мирное трудовое утро вставало над нашей великой Родиной, над ее городами и селами, над великими стройками коммунизма, над колхозными полями; добрые мирные трудовые советские люди спешили в эти минуты к экскаваторам и комбайнам, в шахты и к нефтяным вышкам, в цехи заводов и в студенческие аудитории...

— Поднять траул! — командует Макалов. Траул оказался на поверхности, туго набитый рыбой, — первый улов в стахановском рейсе мира. Бетса, звывавшая, охуь. Попались и треска, и пятнистая, похожая расцветкой на леопарда, зубатка, и плоский, напоминающий черноморскую камбалу, но куда больший размера, палтус. Только успели спустить за борт новый траул, а уже вахтенные матросы Соколов, Желобецкий и Маков принялись за разделку рыбы.

К вечеру засветело, и снова поморачило, расшумелось Баренцово море, завыстал ветер в мачтах. Шесть баллов! В такую погоду иностранцы, прекратив лов, отключаются в дрейфе. Наши продолжают промысел и при шторме в семь баллов. Это не от покаянной лихости, а от смелости, подкрепленной сознанием своего патристического долга и высокой выучкой, от той, соединенной с трезвым расчетом веры в свои силы, которую не может поколебать никакая непогода. А в нынешнем рейсе это еще и от особенно острого чувства ответственности.

На крутой тяжелой волне опять и опять спускают за борт траул, новые тонны тресчатой рыбы заваливают палубу — ее так много, что Макалов приказывает дать колокол на выход повахты. Вместе с матросами, облачившись в рабочие рубки, выходят к разделочным столам помощник Попов, только что отстоявший смену второй штурман Корабельников, салогер Чубарь. Над палубой включают электрические огни.

Рыболовный траулер — это маленький завод на волнах. Палуба — разделочный цех, трюм — засолочный и холодильный. Есть салогерный цех, в котором топят рыбий жир и затем разливают его по бутылкам, есть утильный, где выработавшую рыбную муку, есть консервный — там священнодействует олений в белоснежном халате консервный мастер, он же председатель судового комитета Николай Иванович Ремезов. И если вам попадет в руки банка тресковой печени, на крышке которой отштамповано «РТ-14» (рыболовный траулер № 14), знайте: она изготовлена в открытом штормующем море Баренцова.

По праву героическим можно назвать труд моряков траулеров флота...

3. Утро двенадцатого дня, как обычно, началось с радиосообщения. Капитаны докладывали о результатах ночного лова, запрашивали разрешение на переход в другие промысловые районы, интересовались сведениями о поисковых суднах.

— Доброе утро, товарищ капитан-наставник, доброе утро, товарищ капитан, помощники, штурманы, трамлейстеры, радисты! — включается в эфир Макалов. Докладывало: сегодня завершили выполнение годового плана по вылову рыбы; план по выработке рыбопродуктов перевыполнен. Экипаж продолжает нести стахановскую вахту мира...

Так рапортовал капитан мирного стахановского траулера коммунист Андрей Яковлевич Макалов — в прошлом фронтике, командир сторожевого катера, кавалер боевого ордена Красного Знамени.

БАРЕНЦОВО МОРЕ,
борт траулера «Сталін»

Во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидротехники и метеорологии (Москва) была создана модель одного из вариантов водозабора Таштаунского гидроузла Главного Туркменского канала.

НА СНИМКЕ: научная сотрудница, инженер С. Агасиева (справа) и аспирант А. Гермут исследуют модель водозабора ула Таштаунского.

Фото В. ШАРОВСКОГО

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Делая с фотоаппаратом

Уважаемые товарищи! Считаю своим долгом рассказать о недобросовестном поступке фотокорреспондента ТАСС И. Петровского и Н. Киреева. За их подписью в газете «Комсомолец правды» 2 августа появился снимок, который возмущал общественность села Островны. На фотографии изображена молодая колхозница Раиса Самойлова с газетой в руках и с велосипедом. Под фотографией гласит: «Комсомолка села Островны Раменского района Московской области активно участвует в общественной жизни колхоза. Она выпускает стенную газету, проводит беседы и читки, доставляет на поле газеты и журналы. На снимке: комсомолка колхоза «Вперед, к коммунизму» Р. Самойлова привезла комбайнер газету».

Конечно, многие комсомолки села Островны активно участвуют в общественной жизни села, ведут агитационную работу, читают колхозникам газеты. Но почему тут Самойлова? В селе каждому колхознику известно, что она не является активной комсомолкой, что она никогда не доставляла газеты механизаторам.

Как же попала тов. Самойлова на фотографию?

В Островны прибыли Петровский и Киреев. Петровский обратился к председателю колхоза тов. Евсееву:

— Петр Кириллович, кто у вас доставляет комбайнер газету?

— Есть у нас почталон Елизавета Гавриловна Бузина, почту она приносит в дом, где живут механизаторы.

— Старая она или молодая?

— Средних лет, старательная, работающая.

— Мне нужно заснять комсомолку, помогите да поприглядите.

В это время по улице проезжала на велосипеде Раиса Самойлова.

Петровский стал уговаривать Самойлову сядь на фоне спелого хлеба.

— Получится красиво: поле, комбайн и вы с велосипедом.

На подозревав ничего дурного, девушка согласилась. Она и не думала, что ее снимут за газету.

К Самойловой посылались письма — сперва по одному, потом пачками, их уже было четыреста. Молодые агитаторы со всех концов страны просят ее поделиться с ними опытом агитационной работы. Девушка растерялась. Что делать? Как отвечать, что она вовсе не агитатор, не почталон, что она и читатели стали жертвой недобросовестности фотокорреспондентов?

М. КУЛЕШОВ,
специальный корреспондент газеты «Московская правда»
РАМЕНСКОЕ Московской обл.

НА КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ ЮГА

РОСТОВ-на-ДОНУ. (Наш спец. корр.). Четыре дня работают творческие семинары конференции писателей Юга. Занятия семинаров, которыми руководят опытные прозаики, поэты, драматурги, критики, привлекают помимо делегатов конференции, преподавателей литературы, студентов университетов и педагогического института и творческую молодежь города. Интерес в семинарах объясняется тем, что анализ отдельных произведений связывается здесь с общими проблемами развития советской литературы, проблемами совершенствования художественного мастерства.

Делегатами конференции писателей Юга являются не только молодые литераторы, но и писатели, имеющие за плечами несколько книг, работающих в литературе немало лет. На семинарах встретились люди различных биографий, жизненного и литературного опыта, завязалась живая, вдумчивая беседа.

Один из семинаров по прозе, которым руководят Е. Поповкин, В. Фоменко и другие, обсудил книгу краснодарского прозаика П. Иншакова «Боевая молодость». Критический разбор этой большой, без малого в 30 печатных листов, работы был особенно важен для автора, так как первый вариант романа, изданный в 1949 году, был подвергнут серьезной критике на страницах партийной печати.

В новом варианте значительно полнее изображено партизанское движение, углублены мотивировки образов. Однако роман требует еще большей работы, главным образом индивидуализации языка, сокращения длиннот, углубления образов.

На семинаре были также проанализированы произведения А. Панферова, Н. Чулина, А. Охлева, И. Чумака.

Поучительной была беседа о трудностях, с которыми сталкиваются молодые прозаики в работе над рассказами. На семинаре, которым руководит К. Паустовский, М. Соколов, Г. Марков и П. Сажин, этот разговор возник в связи с талантливыми рассказами крымского прозаика Д. Холденко. Отмечая чистоту и свежесть этих рассказов и хорошую наблюдательность автора, К. Паустовский показал, как много возможностей, заключенных в теме, остались неиспользованными потому, что писатель недостаточно глубоко проник в материал.

Большой интерес участников семинара вызвала книга Героя Советского Союза А. Алексеева «Записки разведчика», в которой хорошо передано напряжение боевого труда разведчиков и запечатлены многие значительные биографии простых людей. Однако участники обсуждения критиковали книгу за многословие и слишком частые риторические «самохарактеристики» ее героев.

Повесть А. Зорича «Ради жизни», посвященная истории санитарного судна, стала поводом для серьезного разговора о работе над языком произведения, из которого надо беспощадно изгонять слащавые красоты и канцеляризм.

Живо прошло обсуждение нового романа А. Калинин «Бурное знамя» на семинаре, которым руководит М. Слонимский. В обсуждении приняли участие Д. Нагшкин (Хабаровск), Н. Котенко, Д. Петров-Вирков (Ростов), А. Софронов и другие. Новая работа А. Калинин, как отметили участники обсуждения, шаг вперед в творчестве прозаика. Чисте стал язык книги, вычуждене и яре характеры. Споры возникли вокруг изображения автором партийного подполья. Указывалось на композиционную рыхлость и отдельные языковые погрешности романа.

Книга ставропольской писательницы В. Туренской «Зрелость» написана человеком, за плечами которого — многолетний педагогический путь, и отмечена несомненным знанием жизни. Об этом говорили участники семинара, которым руководят Н. Замоткин, И. Егоров, П. Шебукин.

Молодой поэт стремится показать и опознать живого героя, но зачастую лишний сюжет, который всегда так важен для маленького читателя.

Повесть Г. Гора (Ставрополь) посвящена воспитанникам ремесленных училищ. Хотя автор не сделал существенного шага вперед по сравнению с книгами на ту же тему И. Ликтанова, И. Васильева, В. Курочкина, в книге есть куски, свидетельствующие о его одаренности.

На семинарах справедливо говорилось о серьезных недостатках литературной критики в крае и области. Редакция газет нередко поручает оценку книг людям, не обладающим достаточной квалификацией.

Так, например, реценз критически олепти второй номер альманаха «Дон», который действительно дал повод для строгой критики, редакция областной газеты «Молот» опубликовала неадекватно прованную статью В. Болларенко. Говоря о стихах большой группы молодых поэтов, опубликованных в альманахе, критик не сумел по-настоящему разобраться в достоинствах и недостатках этих стихов. Вместо того, чтобы помочь начинающим авторам вдумчивым анализом их работы, Болларенко обрушился на них с запугательскими обрисами и тяжелыми обвинениями, во многих случаях построенными на перекладах.

Писательские организации края и области Юга недостаточно занимаются работой критиков, почти не привлекают литературоведов к рецензированию книг. Сама же писатели редко и неохотно выступают с критическими статьями.

С. ЛЬВОВ

В. Попов, В. Закруткин. Вместе с тем в этой книге есть недостатки, весьма типичные для многих первых книг авторов, хорошо знающих жизнь, но не овладевших литературным мастерством: многословие, перенасыщенность второстепенными героями, композиционная неслаженность.

Большой интерес у ростовских поэтов вызвало обсуждение творчества А. Гарнакерьяна, проходившее на семинаре, которым руководят Н. Гривачев и А. Стерхов.

Подводя итог этого обсуждения, Н. Гривачев сказал:

— Давно работающий в поэзии А. Гарнакерьян — уважаемый на Юге поэт. Он обладает несомненными данными, и вместе с тем в его работе есть серьезные минусы. Именно поэтому выступления на семинаре носили в основном критический характер.

Тема стихотворения «В избе-читальне» современна, а поэтические средства, которыми она воплощена, безнадлежно устарели. Это типично для Гарнакерьяна. Нельзя говорить о колхозной молодежи, что она собирается в избе-читальне, как мыслек летит на свет из темноты. Нельзя говорить, что солдат сражался да того, чтобы цвел его вишневый хуторок в степи. А. Гарнакерьяну не хватает живых черт современности и современного человека. Попытки воплотить современность появляются только в новых стихах о Волго-Доне, но и они недостаточны.

Положительную оценку на этом семинаре получили стихи молодого крымского поэта Н. Кривачикова.

Поэт А. Исаков (Ставрополь), создавший много популярных песен о казачестве, слишком часто оказывается в плену традиционной образности. За бесчисленными «казаченками», «острыми сабельками», «девушками-утишками» и т. п. теряется живое ощущение современности.

На этом семинаре интересно прошли также обсуждения сатирических басен А. Малина и лирических стихов В. Субботина (Крым).

Семь песен было представлено участниками семинара по драматургии, которым руководит А. Софронов, Н. Винников, Ю. Чепурин и С. Преображенская. Для четырех лучших писательских организаций Юга это, несомненно, весьма важно. Интересна пьеса-сказка Т. Марченко «Чудесный мастер». Обращаясь к важной теме о приоритете русской изобретательской мысли, автор решает ее в форме сказки для юных зрителей. Однако интересная по замыслу пьеса во многом неосуществлена, главный герой выглядит в ней одиночкой, язык пьесы однообразен. Тем не менее в пьесе есть достоинства и она должна заинтересовать театры.

Пьеса С. Страхова «В благословенных штатах» посвящена судьбе рылового американского фермера в наши дни. Участники обсуждения отмечали, что автор, трудолюбиво изучивший большой материал, не сумел с ним справиться. Образы представителей лагеря реакции оказались гротескно схематичными, а силы мира и демократии по-настоящему не раскрыты.

В организации работы семинара по драматургии отразились недостатки, в той или иной степени сказавшиеся и на работе других семинаров.

Так, например, с пьесой П. Мелибева «День добрый» были знакомы не все участники семинара. Так обстояло дело и на некоторых семинарах по прозе. Иногда руководители семинара не критически обрисали произведения для обсуждения. Так, напрасно была вынесена на семинар ошибочная по содержанию и беспомощная по форме пьеса Е. Зайцева «Это — истина». Обсуждение ее не привнесло никакой пользы участникам семинара.

Семинаром детской литературы руководили И. Васильев, М. Прележская и Л. Воронкова. Здесь обсуждалась книга и рукописи краснодарского поэта И. Белоква.

Молодой поэт стремится показать и опознать живого героя, но зачастую лишний сюжет, который всегда так важен для маленького читателя.

Повесть Г. Гора (Ставрополь) посвящена воспитанникам ремесленных училищ. Хотя автор не сделал существенного шага вперед по сравнению с книгами на ту же тему И. Ликтанова, И. Васильева, В. Курочкина, в книге есть куски, свидетельствующие о его одаренности.

На семинарах справедливо говорилось о серьезных недостатках литературной критики в крае и области. Редакция газет нередко поручает оценку книг людям, не обладающим достаточной квалификацией.

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ ОБЗОР ПИСЕМ ТАМАРЫ БОЙКО

«Дело Тамары Бойко — это факт постыдное безобразия дикости, исключительный в нашей советской действительности. Нельзя пройти мимо такого факта, нельзя не возмутиться, не сказать суровое слово правды. Вот почему я решил написать несколько слов по этому поводу».

Так начинается письмо гвардии старшего лейтенанта А. Барабанова, пришедшее в редакцию через несколько дней после того, как была напечатана корреспонденция В. Понедельника «Дело Тамары Бойко» («Литературная газета» от 18 сентября с. г.). Десятки людей из разных уголков страны, откликнувшись на эту корреспонденцию, так же, как тов. Барабанов, глубоко возмущены издевательствами семьи В. В. Бойко над Тамарой и равнодушным местной прокуратурой. «Где сейчас Тамара?» — беспокоится читательница Р. Ивановна из Ростова-на-Дону. «Они ее изводят, нельзя калечить душу ребенка!» — тревожится за Тамару М. Мовчан из поселка Ольшаны Харьковской области. «Тамара, мушкетер, помни, что ты в Советской стране, что вся жизнь твои вперед, жди тебя прекрасное будущее... Учись как можно лучше!» — побуждает девочку библиотекарь средней школы Е. Стренинская из города Куржак, Владимирской области.

Все новые и новые люди — и по отдельности, и вместе со своей семьей или с друзьями по работе, все коллективом — спешат вмешаться в судьбу девочки, незнакомой им девочке. Ищут союзников строительного-монтажного управления из Тулы, работники Новосибирского погоста, группа пенсионеров из Петровского дома инвалидов Ставропольского края, сотрудники одного из отделов Министерства легкой промышленности РСФСР, студент И. Коваленко из киргизского города Ташкумер и другой студент,

уже из Казани, — Г. Зайнуллин. «Пусть запомнит В. В. Бойко, безвольный и чертовой души человек, — как бы поджигает основную мысль всех писем заведующий клубом в селе Ищенко Орловской области П. Шацов, — что у Тамары в нашей стране найдутся тысячи отцов и матерей, которые с любовью и мужеством воспитают ее полноценным членом общества, активным строителем коммунизма...»

Дело Тамары Бойко надело многих из читателей на большой разговор об обязанностях отца, о долге матери, о тех основах, на которых должна складываться наша советская семья. Большинство авторов писем, поступивших в редакцию, рассматривает поведение родителей в семье, как важнейшую составную часть их морального облика.

С высочайшей позицией нашей морали ряд читателей анализирует поведение В. В. Бойко как отца. «В посылке личного счастья он погубил свою семью», — заявляет С. Иремер из Борбурьска, Сотрудник Киевского областного управления сельского хозяйства А. Пилычевский решительно протестует в такой оценке. Он делает вывод: «Отец, имеющий детей от первой жены, прежде чем вторично жениться, должен хорошенько подумать не только о себе, а больше всего о детях, тщательно изучить человека с тем, чтобы ребенок не попал в руки таких жестоких людей, как вторая жена и тепа Василия Бойко». А инженер Людмила Ш. (Рига) доказывает ту же мысль на опыте своей жизни: когда она решила вторично выйти замуж, будущий муж пожелал, чтобы ее сын от первого брака «жил не с нами, а отдельно, с бабушкой. Я была крайне удивлена, мне это так непонятно... И несмотря на то, что этот человек мне нравился, я все-таки решила отказаться от такого мужа. Откуда у этих людей такой эгоизм? Кто их так воспитал...»

Эгоизм, равнодушие к дочери, безволие и бесцерковность определяли поведение

отца Тамары в семье, где посподобовали Атафья Васильевна Головенко и ее дочь Екатерина Васильевна — «люди со старорежимной закалкой мещанства», как точно и образно аттестует их в своем письме многодетная мать, награжденная орденом «Материнская слава», П. Гай из Магнитогорска. Самые гневные, самые суровые слова наших читателей адресованы этим двум женщинам, опозорившим священное имя матери. «Пусть сурово накажут людей, которые забыли о своем родительском долге», — требует А. Сорина из Хабаровска. «Надо устроить показательный суд над ними», — пишет работница Горьковского автозавода З. Спиридонова, — чтобы черные души челявички и бабки обуглились под огнем челоических обвинительных слов. Как бы я хотела бросить им в лицо всю горечь упреха материвости!»

Обличая всю злость мачехи Тамары и ее неродной бабки, некоторые из наших читателей вспоминают свое детство, приводят примеры материнского подвига простых советских женщин. «Я сама воспитывалась у неродной матери с двух месяцев», — пишет офицер Е. Бенидинов. — Надежда Владимировна Венчикова, взяв меня еще грудным младенцем, искусственно кормила меня из рожка, не спала ночами, когда я болел. Прошли годы — мы дорожили и очень дорожим друг другом...» И еще письмо — от паровозного машиниста станции Люблино А. Зверева: «Вот уже пять лет я один, без жены воспитываю четырех детей. Старшему сыну восемнадцать лет, он уже работает, второму пятнадцать лет — учится в 9-м классе, дочка — в 6-м классе, а младший сын — в 4-м. Мне очень трудно воспитывать их без матери, вы далеко не можете себе представить. По эти трудности преодолеваю, но надежда, мое счастье — вперед. Я сделаю все, чтобы видеть детей строителями коммунизма...»

Вот о чем думали наши читатели, когда писали о стычках матерей и отцов Тамары! Нельзя без волнения читать поступившие в редакцию письма, в которых содержатся просьбы ряда советских граждан помочь или усыновить девочку, сделать Тамару их родной дочерью.

«Нам очень хочется», — пишет Тамара Сергеевна Шороц из Севастополя, — чтобы Тамара почувствовала ласку родителей, пожила бы в семье, где она будет любимым ребенком. Особенно это важно сейчас, в период становления ее характера, в период получения образования. В нашей семье сейчас один ребенок — наш сын, ему семь месяцев, и мы хотели бы, чтобы у него была сестричка. Поэтому прошу вас разрешить нам усыновить Тамару. Если это возможно, то просим сообщить нам, какие нужны для этого документы. О себе могу сообщить, что я по специальности зубной врач, муж — офицер военно-морских сил... И тут же — вторая подпись: «Капитан-лейтенант Шерр Виктор Александрович».

Другое такое же письмо пришло из Краснолара от Лидии Михайловны Обрам: «Я уверена, что я отец», и его тепа, и мачеха получат по заслугам, но меня беспокоит дальнейшая судьба Тамары. Если в моем случае нельзя оставлять в этой семье. Если там на месте ее не вала уже какал-тибуль семья, я усыновлю бы ее. У нас очень дружная семья: я, муж-инженер, бабушка, сын 14 лет и дочка трех лет. Я с удовольствием порадовалась бы еще одной дочери. Если можно выдать Тамару, узнайте, как это сделать и сообщите нам». И снова — внизу приписка: «Я всеюду поддерживаю решение жены и очень буду рад, если это осуществится. Ю. Обрам».

Большая, дружная, прекрасная семья жила у Тамары! Нашлись не только тысячи отцов и матерей, полюбивших эту девочку, — нашлись ее братья и сестры, долупные Тамару к себе, в свой крепкий коллектив.

«Приезжай к нам, Тамара! Многие из нас совсем не помнят родителей: они погибли, захвачены Родиной, на фронте или в партизанских отрядах. О нас заботятся — вкусно кормят, красиво одевают, учат, у нас много улыбок и радости. Наша добрая, забывчивая мать — Родина, наш любимый отец — Сталин. Поэтому мы счастливы, и нас детство, которое всегда будет светлым воспоминанием в жизни...»

По поручению коллектива старшей группы детского № 1 в городе Перовском Московской области — председатель совета пионерской дружины Рая Семеновна.

Советские люди не дадут в обиду девочку, и понятно, почему рылового создат С. Афанасьев, размышляя в своем письме о причинах заинтересованности товарищей

любимым ребенком. Особенно это важно сейчас, в период становления ее характера, в период получения образования. В нашей семье сейчас один ребенок — наш сын, ему семь месяцев, и мы хотели бы, чтобы у него была сестричка. Поэтому прошу вас разрешить нам усыновить Тамару. Если это возможно, то просим сообщить нам, какие нужны для этого документы. О себе могу сообщить, что я по специальности зубной врач, муж — офицер военно-морских сил... И тут же — вторая подпись: «Капитан-лейтенант Шерр Виктор Александрович».

Другое такое же письмо пришло из Краснолара от Лидии Михайловны Обрам: «Я уверена, что я отец», и его тепа, и мачеха получат по заслугам, но меня беспокоит дальнейшая судьба Тамары. Если в моем случае нельзя оставлять в этой семье. Если там на месте ее не вала уже какал-тибуль семья, я усыновлю бы ее. У нас очень дружная семья: я, муж-инженер, бабушка, сын 14 лет и дочка трех лет. Я с удовольствием порадовалась бы еще одной дочери. Если можно выдать Тамару, узнайте, как это сделать и сообщите нам». И снова — внизу приписка: «Я всеюду поддерживаю решение жены и очень буду рад, если это осуществится. Ю. Обрам».

Большая, дружная, прекрасная семья жила у Тамары! Нашлись не только тысячи отцов и матерей, полюбивших эту девочку, — нашлись ее братья и сестры, долупные Тамару к себе, в свой крепкий коллектив.

«Приезжай к нам, Тамара! Многие из нас совсем не помнят родителей: они погибли, захвачены Родиной, на фронте или в партизанских отрядах. О нас заботятся — вкусно кормят, красиво одевают, учат, у нас много улыбок и радости. Наша добрая, забывчивая мать — Родина, наш любимый отец — Сталин. Поэтому мы счастливы, и нас детство, которое всегда будет светлым воспоминанием в жизни...»

По поручению коллектива старшей группы детского №

И повесть А. Бека «Новый профиль» и рассказ С. Антонова «Дождь» (Новый мир, № 10) посвящены тому основному, чем полнится сейчас наша жизнь...

Бор. АГАПОВ

Действие повести А. Бека происходит на одной из строек коммунизма. Инженер-проектировщик Шумейко приезжает на стройку, чтобы выяснить, почему металлический шпунт нового профиля, который он проектировал и внедрил в производство, не выдерживает в грунт, а деформируется от ударов.

Правильная техническая идея лежит в основе сюжета. Новый — тонкого и сложного профиля — шпунт нельзя забивать так, как забивали свай при основании Петербурга. Новый шпунт требует и новой технологии, направленной момента, когда на шпунтиную свайку новый, маленький и скрюченный в вид пружин, и наконец, торжество успеха — все это написано А. Беким умело, тонко, увлекательно.

Не менее удачно А. Бек и описания стройки — ее размеры, ее необыкновенно го пейзажа, где почти не видят людей, и только гигантские механизмы совершают свои неторопливые и непреклонные движения.

Так же верно, со знанием дела описан и металлургический завод, его прокатный цех. Современная техника — и на заводе и на строительстве — покора людям, является могучей и благотворной силой в их руках.

Люди же эти прошли великую школу первых пятилеток, потом войны, потом того бурного периода социализма, в котором мы пребываем и сейчас. Идет паровоз по реке, везет народ на великую стройку, и вместе с автором повести мы вглядываемся в людские лица, вслушиваемся в разговоры.

Вот едут «впередники» — специалисты, внедряющие на производстве новые механизмы, едут «основостроители», по всей стране закладывая фундаменты особо ответственных сооружений. Высокая квалификация работников, гордость своей специальностью, прочная любовь к своей профессии — все это драгоценные черты той стабильности, в которой и таким упорством шла наша индустрия и которая ныне достигнута.

Правильно набрасывает А. Бек литературные портреты руководителей заводов и строек, заводских мастеров и специалистов, и в каждом из них можно сказать с радостью: это — знаток дела!

Тщательный наблюдатель, А. Бек зарисовал много дорогих нам черточек нашей производственной жизни — тут и коллективные обсуждения трудных технических проблем, тут и участие бойкого слова стеной газеты, и всеобщая готовность каждого помочь другим, выручить в ответственный момент.

Все, что увидел А. Бек на великой стройке, все, что услышал, он правильно осмыслил и художественно изобразил. В этом, несомненно, достоинство и удача повести.

В чем же ее неудача? В изображении главных персонажей повести — Андрея Шумейко и его жены Нины.

О Шумейко известно, что в его наружности сохранилось нечто мальчишеское: круглые щеки, пухлые губы, широко открытые глаза. О Нине, — что у нее чересчур полные губы и крепкие ногти, что она строится. О них сообщается еще очень многое, как будто для того, чтобы утвердить их бытие, убедить читателя, что среди реальных людей, описанных в повести, в реальных условиях великой стройки живут и эти двое. Кто такой Шумейко? Он: 1) прекрасный инженер, 2) отличный отец, 3) активный общественник, 4) нежно любящий супруг. Кто такая Нина? Она: 1) отличный инженер, 2) прекрасная мать, 3) активная общественница, 4) нежно любящая жена.

Вероятно, почувствовав, что эти персонажи уж чересчур идеальны, автор решил пронзить темной краской портрет Нины. Он снабдил ее биографией конфликтов. В юности Нина, увлеченная учебой, отказалась быть секретарем комсомольской организации; но конфликт этот длился не более двух страниц, и на третьей от него не осталось и следа.

Чтобы как-нибудь оживить Шумейко, автор посвящает немало места письмам Шумейко к сыновьям. Письма эти содержат отличный описательный материал, но не прибавляют ничего к образу Шумейко. Не рисуют они и сыновей инженера. Мы узнаем, что сыновья столь же образцово-показательны, как и родители. Василий, например, «серьезно занимался спортом, отлично выряд ласточкой, ходил под парусами на шверботе и собирал библиотечку, посвященную подвигам русских моряков».

де... Все это — правда, все это видел талантливый наблюдатель жизни Александр Бек, который почему-то переложил свой взгляд наблюдателя — Шумейко, перенеся установлен и лица не имеющей. И все, что вложено в повесть об этой персоне, искусственно и неправдиво. Автору не удалось войти в душу своего персонажа, постичь, т. е. создать его характер. Вот почему так бледно выглядит Шумейко среди людей, строящих коммунизм. Досадно видеть это книжное существо в живой картине огромного строительства. Оно не поспевает за стремительным ходом действия, ему некуда вставить реплику, негде расположиться.

«На кругом лице каллибровщика снова изумление. Опять вздернулись, вздетели его белесые брови».

Вот и все, что остается на его долю. Печальная роль!

Почему же произошло все это? Может быть, А. Бек поддался обыкновенному представлению, что самая плохая беллетристика лучше самого хорошего очерка, что без похвалы читателю неинтересно? Не думаю. Вероятнее другое: А. Бек потонул. Ему показалось, что в потоке полноводной жизни его персонажи сами собой приобретут жизненные краски. Между тем, нужна была еще очень большая работа для того, чтобы Шумейко из замеса стал человеком.

Этой работы автор не успел проделать и жестоко пошатнулся. Принцип, прямо противоположный тому, который полагается А. Бек, положен в основу рассказа Сергея Антонова «Дождь».

Здесь действие происходит тоже на стройке, только на очень маленькой: сооружается мост через реку. Идут дожди. Они идут уже две недели. Неудачный вид являет строительство: все утопает в потоках воды, в трагично размытых дорогах.

Однако не из описания стройки, как это произошло у А. Бека, возникает рассказ. Он рождается из характера главного героя, и не примечательного, казалось бы, человека, секретарши начальни строительства — Валентины Георгиевны, пожилой женщины, одинокой, строгой, аккуратной, с туго зачесанными волосами, в которых поблескивает седина.

Маленькая стройка переживает большие дни. Начальник строительства, добрый Иван Семенович отозван за неспособностью, на его место прибыл новый начальник, и все кругом преобразовалось. Смелый и самоотверженный Непейвода, описанный автором хоть и не без улыбки, но с большой любовью, повернул дело так, что даже дожди перестали быть препятствием. Тут и произошла случай, который так сильно отозвался в душе Валентины Георгиевны. В жестокую непогоду Непейвода поручил ей разыскать старожилки, которые могли бы рассказать о гравийном карьере, давно заброшенном, однако столь необходимом для строительства моста.

Валентина Георгиевна в проливной топь отправляется искать старожилки. Это — не ее дело. Ее превратили в курьерку, вытолкнули из ливня, в грязь, оскорбленную и полной решимости, она идет выполнять приказание. Ей удается сделать все, что нужно, — она разыскала старого инженера, работавшего в карьере, она выяснила, что карьер вполне пригоден для работы, она помогла строительству в самый трудный для него час. И это был ее взлет. Она почувствовала себя участником строительства. Она увидела, что есть на свете что-то большее, чем папки для бумаг. Надоело ли? На этот вопрос рассказ не дает ответа.

Этому озабоченно маленького человека и посвящен, в сущности, рассказ.

Написан он превосходно. С. Антонов обладал даром литературной живописи, когда из слов образуется зримая картина, когда описываемый эпизод видится, как если бы перед вами была сцена, а не страница. Вот описание:

«Рукав реки казался бездонным от отражения густых облаков и нежного голубого неба. На спокойной воде, среди клеветчатых листьев лилий изредка возникали, словно от упавшей капли, мелкие круги и вздрагивал белый цветок, тронутый рыбой. Потрескивая крыльями, низко над водой, гонялись друг за другом стрелки...»

Вот сцена: «На крыльце Валентину Георгиевну ждал маленький подвижной старичок в халате и кепке. Она прошла за ним по коридору, цепляясь жестким плащом за велосипед, за корзину, за вешалку, и очутилась в комнате, оклеенной обоями. По-прежнему стоял стол, накрытый чистой скатертью... За широкой слышалась ровное дыхание спящего человека. На столе стояла тарелка, и на нее был натянута мокрая бечевка.»

«Вы с мостового перехода через Валюю», — тотомом, но оживленно проговорил старичок, моргая еще не привыкшими к свету глазами. — Очень рад... Присаживайтесь, пожалуйста. Извините, что не могу угостить чаем... Хозяйка спит... Я ведь тоже вроде вас — скиталец.

Валентина Георгиевна шопотом объяснила, что ей нужно.

— Пожалуйста, пожалуйста. Милости просим, если еще что-нибудь понадобится, — говорил старичок, машинально переключая на шопот. — Милости просим...»

Сцена эта, одна из многих прекрасных сцен в рассказе, характерна не только детальными обстановками, но только особенностью языка старого инженера, трехлетнегоного персонажа, но и той атмосферой почтеного посещения, которая передана и неожиданной репликой из-за ширмы, и внезапным переключением с полного голоса на шопот при прощании, — чудесная находка автора!

Однако умение найти точное слово для остро замеченной детали, искусство с полной ясностью увидеть и передать сцену, способность написать яркий портрет серого человека — все это качества, необходимые для писателя советского.

Кроме деталей, есть общее. Оно должно быть видно сквозь детали.

Кроме сцен и эпизодов, есть история. Кроме «обыкновенных», «маленьких» людей и «скрюченных», «спешащих» дел, есть люди больше и дела великие, без которых наше время не было бы нашим временем. Значит ли это, что не следует брать предметом изображения «маленьких» людей, скрюченные по масштабам события? Конечно, не значит!

Однако будет искажением жизненной правды, если в изображении любой малости нашей жизни не почувствуется общее величие времени. Мне не удалось описать наше время в рассказе «Дождь». Мне показалось, что я вновь перенесен в начало тридцатых годов, когда страна только училась строить. В то время действительно случалось выходить из катастроф такими способами, как изображено в рассказе, в то время, действительно, дожди могли определять сроки пуска. Теперь, возможно, это тоже имело место «где-то там» или «где-то тут». Но характеризует ли такая обстановка наши дни? Нет, она далека от них, как тридцатые годы далеки от пятидесятых.

С. Антонов хорошо показал переход на строительство. Новый руководитель ворвался в тихую заповь, и все стонуло с мест, замухло, пошло работать. Набрасывая одну подробность за другой, С. Антонов создает образ человека кипучей энергии, но не знающего препятствий, непреклонно идущего к цели. Эта характеристика завершается уже в конце рассказа, завершается прекрасно.

Валентина Георгиевна усмехается, и вдруг на вокзале появляется ее новый непреклонный начальник.

«У меня в вам просьба, — сказал он. — Если вам не трудно, свезите яблочек своим ребятишкам. — Понятно, яблочки небольшие, посылку, ну, конечно, можно, — самым общиным черными нитками. — На почту сбавля — не берут... Говорят, не так зашито...»

— Пожалуйста, — согласилась Валентина Георгиевна, вставая.

— Сидите, сидите. Вы теперь мне не подчиняетесь, — улыбнулся Непейвода. — И вот открытка. Вы напишите тут здесь, на пустом месте, свой адрес, опустите ее, и на гостиницах зайдет жена...»

Таков Непейвода — большой, организованный, хроничный человек.

А Валентина Георгиевна? Не все люди в нашей стране — богатые, не все умеют стать новаторами, есть и отсталые, есть ограниченные. Может быть, «где-то там» или «где-то тут» и живет еще такая Валентина Георгиевна, однако мне, например, встретиться с ней не довелось, по крайней мере после войны.

Война раскрыла нам наш народ в великом богатстве его души. Самые скромные, самые «незаметные», самые «маленькие» люди показали себя людьми железной воли, широкого благородства, возвышенного патриотизма. Это не громкие слова, а точные термины в применении к русскому советскому человеку.

Будьте осторожны с изображением «маленьких» людей! Того и гляди такая тихая строгая секретарша окажется печальной партизанкой или через год-другой фронтичницей заочный институт!

В коллективе, делаемом ясное и нужное дело — строим мост, Валентина Георгиевна сидит в самом центре, в штабе, видит и слышит все, что происходит, и являет собою тип самой дореволюционной секретарши. Полное всего ее внутреннее мир раскрывается в мечтах.

«Собирая цветы, Валентина Георгиевна мечтала. Она мечтала о том, что Иван Семенович назначат начальником управления и у него будет кабинет с шелковыми шторами и звоном для вызова секретарши, и в приемной будут стоять ониксовые шкафы, и в каждом шкафу ониксовые папки с автоматическими сшивателями, и номера на корешках Валентина Георгиевна будет наклеивать, вырезая пиферы из прошитых вальдараев...»

Валентина Георгиевна даже в мечтах думает о начальнике, как о властелине, и о себе, как о преданной рабе.

Современная туркменская советская литература — детище Великой Октябрьской социалистической революции, неотъемлемая часть многонациональной литературы Советского Союза — растет и развивается под благотворным влиянием русской классической и советской литературы, в процессе взаимобогащения литератур братских народов СССР.

Огромную роль в поэме туркменской советской литературы сыграли постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и другие решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам.

Успех коммунистической партии Туркменистана побуждал от партийных организаций республики и работников идеологического фронта услышать борьбу со всякого рода проявлениями чуждой идеологии, с безидейностью и апатичностью.

Руководствуясь указаниями партии, ученые, писатели, работники искусства республики создали ряд ценных научных трудов и художественных произведений. Однако еще не все сделано необходимо выводу из исторических решений ЦК ВКП(б). Некоторые литературоведы и лингвисты допускают идеализацию враждебных, вредных произведений, отравляющих сознание нашего народа, нашей молодежи ядом буржуазного национализма.

На протяжении последних лет группа туркменских литературоведов усиленно пропагандировала, как героический эпос туркменского народа, книгу «Коркут Ата». Что же есть героический в этом произведении?

Буквально ничего. В нем не рассказывается ни о героическом прошлом туркменского народа, ни о его подвигах в борьбе с поработителями. В нем не отражены благородные исконные черты туркменского народа: его любовь к родной земле, ненависть к угнетателям, самоотверженность, храбрость, великодушие, стремление жить в мире с другими народами.

В книге — двенадцать песен, авторство которых приписывается Коркуту Ата. Коркут Ата — это не народный певец, это бард огузских феодалов XI века, предводитель националистической идеологии, смотревший на мир глазами ханов, беков и мулл. Как верный раб, он с умелным описанием их пестрые шапты и шелковые юбки, обильные пиры и охоту, кровавые разбойничьи набеги на соседние народы. Он призывает к силе аллаха и его прокурора» на волею этих грабителей и убийц, разжигает ненависть к немусульманским народам, проповедует фанатическую религиозную нетерпимость.

«Убийство гула — позыв за веру» — такова мысль, которая красной нитью проходит через всю книгу. Да и вообще всякое убийство является познанием, — утверждает «Коркут Ата». «В тот век, — говорится в книге, — ионо не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил кровь».

Кровавой проповедью убийства и разбоя, грабежей и насилия, звериной зоологической ненависти ко всем иноверным народам пропитана книга.

В «Коркут Ата» нет представителей народа, за исключением нескольких пастухов, которые изображены такими, какими ханы и беки хотели бы видеть трупаемые массы: забитыми, тупыми, пребывающими в слепом повиновении власти и мушун.

Произведение обильно пересылено таковыми высказываниями: «Цари — теңь бота, итэ поднимает митез на своего паря, тому улачи не бует». «Если не полагает всемогущий бог, человек не разбогатеет» и т. п.

«Коркут Ата» не имеет никакого отношения к туркменскому народу, совершенно неизвестен и глубоко чужд ему, его духу, характеру, стремлениям, традициям, обычаям. «Коркут Ата» стал известен в нашей республике только в последние 5—6 лет.

Впервые краткое содержание «Коркут Ата» было опубликовано в журнале «Советские зарины» (орган Союза советских писателей Туркменистана) в 1945 и 1946 годах.

М. Косаев, бывший редактор «Советских зарины», представил страницы журнала для восхваления реакционного эпоса, который он печатал под общей шапкой — «Из памятников древней литературы туркменского народа».

В своей статье, посвященной «Коркут Ата», М. Косаев писал:

О. ШИХМУРАДОВ, секретарь ЦК КП(б) Туркменистана

«Среди туркменских поэтов, писателей и бахши произведение «Коркут Ата» сыграло положительную роль, как источник положительных примеров, дающих нам возможность учиться Готини и любви к ней.

Таким образом, это произведение сыграло очень большую роль в выращивании патриотизма».

Верным соратником М. Косаева в восхвалении «Коркут Ата» явился профессор Б. Карыев, который вместе с М. Косаевым подготовил к печати так называемый «туркменский вариант» этой книги. При этом ни М. Косаева, ни Б. Карыева ни сколько не смущало то обстоятельство, что «туркменского варианта» «Коркут Ата» в действительности никогда не существовало.

Важ разоблаченный ныне азербайджанской общественностью и раскрытый в выступлениях секретаря ЦК КП(б) Азербайджана тов. М. Багирова и в печати так называемый азербайджанский текст «Деде Коркут». М. Косаев и Б. Карыев подделали его под туркменский эпос, завуалировав наиболее реакционные места.

Желая выдать свой перевод «Деде Коркут» за «туркменский вариант», фальсификаторы вырвали из текста слово «Кавказ». Вместо Кавказа в «туркменском варианте» появилась гора Базылык, вместо «...уйте в девять тумей Грузии» — «...пойдете в девять тумей Гарджистана», вместо «Черного моря» — «Черная река» и т. д.

В пропаганде «Коркут Ата» повинен и главный редактор Туркменгосиздата О. Абдулов. В учебнике по современной туркменской литературе для десятых классов средних школ под редакцией Абдулова утверждается, что богатое фольклорное наследие туркменского народа включает в себя такое замечательное произведение, как «Коркут Ата», которое наряду с другими входит в золотой фонд мировой литературы.

В полном соответствии с этими взглядами группа литературоведов и лингвистов республики усиленно пропагандировала «Коркут Ата». Отрывки из него печатались в литературных журналах и альманахах, включались в учебники и хрестоматии по литературе. В 1950 году Туркменгосиздат подготовил и сдал в производство рукопись «Коркут Ата», составитель которой был М. Косаев, а редактором Б. Карыев.

Так, в течение ряда лет широко распространялось глубоко враждебное туркменскому народу произведение, содержащее в себе идеи пантюркизма и буржуазного национализма.

Правление Союза советских писателей Туркменистана и его председатель К. Курбансахатов не сделали для себя должных выводов из выступлений «Правды» против идеологических извращений в литературе, а также из разоблачений партийной и советской общественности Азербайджана реакционной сущности «Деде Коркут», проявили беспринципность в вопросе о «Коркут Ата», не создали общественного мнения вокруг этого эпоса и его пропагандистов.

Союз писателей Туркменистана, Туркменгосиздат, Институт языка и литературы не организовали критического обсуждения книги «Коркут Ата» перед ее изданием.

Провозвешники «Коркут Ата» не только не выступили с решительным и полным признанием своих грубейших ошибок, но продолжали с различными оговорками, зашипляясь из реакционного произведение. Для защиты были мобилизованы фальсификаторы, лозь.

Даже после выступлений партийной печати о «Деде Коркут» М. Косаев и Б. Карыев пытались доказать наличие «туркменского варианта» этого эпоса, якобы принципиально отличного от «Деде Коркут». Б. Карыев утверждал, что «Коркут Ата» возник будто бы на срезнеазиатской почве и уже оттуда перекочевал на Кавказ, где и был засорен различными вредными наслоениями.

Десать лет назад, 29 октября 1941 г., фашистская бомба оборвала яркую, плодотворную жизнь одного из интереснейших представителей старшего поколения советских писателей, драматурга Александра Николаевича Афиногенова.

Афиногенов был литературным сверстником Великого Октября, его писательская работа началась буквально на следующий день после Октябрьской победы, которую он принял всем сердцем, как большевик и поэт.

Творческий путь Афиногенова был извилист и сложен. Он был связан с Пролеткультом, а позднее разделял рапполовскую теорию «психологического реализма». Но Афиногенов был художником, и схоластические жетворения в его сознании преодолелись под влиянием правды жизни. Он был неутомимым, бесполобойным искателем, и первые большие победы пришли к нему тогда, когда он вплотную подошел к той простоте и ясности, которых требовала от драматурга наша жизнь.

От условных персонажей, носящих маски, неподвижных и статичных, вроде профессора Друмонта, Орлова, Вольне, Зюшона и других героев его ранних пьес, Афиногенов настойчиво и последовательно идет к изображению живых людей нашего времени, тех людей, которые появились перед зрителем в пьесах «Чудак», «Страх», «Машенька» Юношеская горячность драматургического темперамента Афиногенова превратилась в зрелое мастерство драматурга-реалиста, художника-большевика, ставшего в своих пьесах гу-

Сочинил так называемый «туркменский вариант» эпоса «Коркут Ата» и пустив его гулять по свету. М. Косаев и Б. Карыев пытались уйти от признания совершенных ими политических ошибок и вправили в районы республиканских научных работников для поисков доказательств существования этого «варианта». Все эти попытки и ухищрения шты, разумеется, белыми нитками.

Руководство Туркменгосиздата, Институт языка и литературы Академии наук Туркменской ССР, редакция журнала «Советские зарины» и Министерство просвещения республики ничего не сделали для разоблачения антинародной, реакционной сущности «Коркут Ата», или на поведу у М. Косаева и Б. Карыева.

В результате чего стала возможной пропаганда этого чуждого народу «эпоса» группой литературоведов?

ЦК КП(б) Туркменистана в своем постановлении о книге «Коркут Ата» отметил, что такое положение является следствием ослабления работы по выполнению указаний Центрального Комитета ВКП(б) о борьбе с идеализацией прошлого, о критическом отношении в литературному наследию, а также результатом недопустимого ослабления политической бдительности у руководителей Союза советских писателей Туркменистана, Туркменгосиздата, Института языка и литературы, Министерства просвещения Туркменской ССР и редакции журнала «Советские зарины».

Партийная организация и правление Союза писателей Туркменистана не предприняли никаких мер для разоблачения в писательской организации большевистской критики и самосритики. В Союзе писателей имеют место факты замалчивания ошибок, взаимного восхваления, взаимной амнистии. Руководители Союза писателей республики боятся критики, не выносят творчества поэтов и прозаиков на обсуждение широкой общественности, помещают принципиальные отношения отношениями приятельскими, культивируют обстановку самовосхваления, семейственности и уютности.

Именно в результате этой обстановки могли увлечь свет некоторые неполноценные, идеологически порочные произведения, такие, например, как явно буржуазно-националистические по содержанию стихотворения «Ты — туркмен» К. Курбансахатова и «Мой Туркменистан» Джума Илмураева.

Но лучше обстановка и в Туркменском государственном издательстве. Плохо работает редакционный совет Туркменгосиздата.

ЦК КП(б) Туркменистана отметил также неудовлетворительную работу учебно-методического совета Министерства просвещения Туркменской ССР, который целиком перевернул составление учебников авторов, не обеспечивая должного контроля за этим делом и допустил включение во многие школьные учебники отрывков из «Коркут Ата», описав этот «эпос», как «основу и начало зарождения туркменской литературы».

Пропаганда «Коркут Ата», выпуск этой книги массовым тиражом является грубейшей политической ошибкой руководства Союза писателей республики, издательства и литературоведов Туркменистана.

Задача литературоведов, преподавателей литературы, писателей, всей печати Туркменской ССР заключается в том, чтобы до конца разоблачить реакционную сущность «Коркут Ата» и вскрыть политические ошибки, допущенные литературоведами и лингвистами в этом вопросе.

В наших творческих и научных организациях должна быть создана такая обстановка, при которой исключалась бы самая возможность проникновения в литературу всяких чуждых влияний, идей пантюркизма и буржуазного национализма. Суворому осуждению заслуживает и оговорка, которой придерживаются некоторые литературоведы в отношении «Коркут Ата».

Следует коренным образом улучшить постановку литературной критики на страницах республиканских газет и журналов. Они обязаны подвергать объективному и принципиальному критическому разбору произведения прозаиков и поэтов республики, настойчиво способствовать дальнейшему росту и совершенствованию туркменской советской литературы.

Драматургическое наследие Афиногенова — это ценный и живой опыт большого этапа в развитии нашего театра. Искусство построения сюжета, четкость и ясность диалога, умение создать настроение и многие другие секреты мастерства, которыми владел Афиногенов в пору своей творческой зрелости, — пример для молодых драматических писателей. Творческие завоевания Афиногенова — бойна, победного на посту, — принадлежат живым.

Литературная газета № 128 27 октября 1951 г.

Мастер-драматурги

Борис ЛАВРЕНЕВ

Десать лет назад, 29 октября 1941 г., фашистская бомба оборвала яркую, плодотворную жизнь одного из интереснейших представителей старшего поколения советских писателей, драматурга Александра Николаевича Афиногенова.

Афиногенов был литературным сверстником Великого Октября, его писательская работа началась буквально на следующий день после Октябрьской победы, которую он принял всем сердцем, как большевик и поэт.

Творческий путь Афиногенова был извилист и сложен. Он был связан с Пролеткультом, а позднее разделял рапполовскую теорию «психологического реализма». Но Афиногенов был художником, и схоластические жетворения в его сознании преодолелись под влиянием правды жизни. Он был неутомимым, бесполобойным искателем, и первые большие победы пришли к нему тогда, когда он вплотную подошел к той простоте и ясности, которых требовала от драматурга наша жизнь.

От условных персонажей, носящих маски, неподвижных и статичных, вроде профессора Друмонта, Орлова, Вольне, Зюшона и других героев его ранних пьес, Афиногенов настойчиво и последовательно идет к изображению живых людей нашего времени, тех людей, которые появились перед зрителем в пьесах «Чудак», «Страх», «Машенька» Юношеская горячность драматургического темперамента Афиногенова превратилась в зрелое мастерство драматурга-реалиста, художника-большевика, ставшего в своих пьесах гу-

боко волнующие современников социальные, моральные и философские проблемы. Образы Бориса Волгина и Дробного в «Чудак», Елены Макаровой и Кимбаева в «Страх», наконец, обязательный, важный лирическим теплом, нежностью, светлым обликом советской девочки Машеньки — это уже подлинными героями советской современности, люди с настоящей кровью в жилах, а не «человеческие символы», которые ходили туманными призраками в первых произведениях Афиногенова.

С нежностью и теплотой изображал советских людей, Афиногенов был в то же время пламенным обличителем всего старого, косного, мешающего росту новой жизни. Борьба за творческую инициативу простых людей — вот парос пьесы «Чудак». Милый, живой, темпераментный человек, организатор «кружка антузистов», Борис Волгин овладевает нашим сердцем безраздельно и одерживает моральную победу над формалистами и бюрократами, губящими ростки нового.

В «Страхе» Афиногенов поставил сложную философскую проблему. Псиное столкновение передового советского мировоззрения с враждебными теориями прафессора Борлина, сторонника «чистой науки», не верящего в силу разума, объясняющего страх одним из главных стимулов человеческой деятельности, убедительно разрешается всесторонним разобла-

чением поборонок этих теорий. Если в пьесе «Страх» есть некоторые следы схематизма, то пьеса «Далекое» отличалась несомненно большей глубиной и жизненной конкретностью. Здесь с горьковской страстностью утверждалась победная сила жизни, торжествующая над смертью.

Драматург уверенно шел к овладению методом социалистического реализма, все более зрелым, углубленным и умным становилось его творчество, и нет сомнения, что на этом пути Афиногенов дал бы советской сцене немало идейно значительных, больших, художественных, партийно-страстных произведений.

Афиногенов был новатором в драматургии. Чувство нового всегда жило в его пьесе, и в его подходе к разработке образов и характеров. Он стремился вперед, всегда видел перед собой широко и дальнее горизонты.

Драматургическое наследие Афиногенова — это ценный и живой опыт большого этапа в развитии нашего театра. Искусство построения сюжета, четкость и ясность диалога, умение создать настроение и многие другие секреты мастерства, которыми владел Афиногенов в пору своей творческой зрелости, — пример для молодых драматических писателей. Творческие завоевания Афиногенова — бойна, победного на посту, — принадлежат живым.

Литературная газета № 128 27 октября 1951 г.

Репортаж из Англии

8. Поражение лейбористов

Можно с уверенностью сказать, что причиной поражения лейбористов на вчерашних выборах была политика право-лейбористского руководства — политика подготовки войны. В самом деле, и коммунисты, и все лучшие элементы, которые имеются в лейбористской партии, неоднократно предупреждали ее лидеров, что нанести поражение консерваторам можно, только выступая против консервативной политики, и что воодушевить английский народ может только активная политика мира, политика повышения жизненного уровня.

Сейчас, когда пишутся эти строки, полных результатов выборов еще нет, однако ясно, что число голосов, поданных за каждую из двух главных партий, изменилось по сравнению с прошлыми выборами не намного. К вечеру подсчет голосов был закончен в 619 округах. Лейбористы получили 293 мандата, консерваторы — их сторонники — 318, либералы — 5 и прочие кандидаты — 3. Окончательные итоги будут оглашены только завтра. Но консерваторы уже располагают в новой палате общин абсолютным большинством. Этти немедленно вручил королю заявление об отставке лейбористского правительства. Формирование нового правительства поручено Черчиллю.

Большая часть новых голосов, полученных консерваторами, — это голоса тех избирателей, которые на выборах 1950 года голосовали за либералов. Поскольку на этот раз либеральная партия выставила гораздо меньше своих кандидатов, голоса этих избирателей оказались в категории «текущих», колеблющихся. Лейбористы в основном сохранили всех своих сторонников среди избирателей. Это показывает, что тринадцать с лишним миллионов английских граждан считают, что приход к власти консерваторов будет означать усиление клима поджигателей войны в стране. Подавляющее большинство из этих тринадцати миллионов составляют рабочие. Многие рабочие, являющиеся сторонниками коммунистической партии, голосовали тем не менее за лейбористов — только для того, чтобы не раскатывать антиконсервативные силы и «не дать пройти» Черчиллю. Коммунисты в основном тоже сохранили свои голоса. За них голосовала наиболее сознательная и передовая часть рабочего класса, полностью понимающая опасность войны, которой чревата политика как правых лейбористов, так и консерваторов.

Характерно, что сторонники «мтяхенка» Эньюрина Бивена сохранили все свои места в парламенте. Насчет Бивена нельзя, конечно, сказать больших иллюзий. Однако этот факт показывает, что английские трудящиеся, которым не ясны еще подлинные намерения Бивена и его приспешников, выразили свое одобрение критике действий правительства Эттли — Моррисона, разразившейся из рядов самой лейбористской партии.

Вся ответственность за исход выборов падает на право-лейбористских лидеров — Моррисона, Эттли, Строчи и Шинваллов. Они отказались решительно и со всей силой заклеймить тор, как поджигателей войны. Они отказались выступить с конкретной программой мира в Корею и Малаю и за переговоры между пятью великими державами. Они отказались сбавить темпы бешеной гонки вооружений. Они отказались предложить какие-либо законодательные меры в целях улучшения жизненных условий английского народа. Во время предвыборной кампании они почеркнуто вели себя так, как будто выборы — это не больше, чем партия в бридж

между вежливыми, и притом дружелюбно настроенными друг к другу, джентльменами. И это неудивительно, ибо в своей политике за последние шесть лет они многое позаимствовали у консерваторов, так что любая атака на политику тор неизбежно задевала бы их собственную политику.

Таков постыдный конец шестилетнего пребывания у власти правых лейбористов. Во время предвыборной кампании 1945 г. Эрнест Бевин домогался большинства потому, что он считал себя «левым» и, как таковой, по его собственным словам, только он и «мог разогнать с левыми». Однако за эти шесть катастрофических лет лейбористская Англия постоянно затевала споры с каждой страной, следующей по пути социализма. Она пришла к такому ухудшению отношений с Советским Союзом, какого еще не было почти за всю историю англо-советских отношений. Ее втащили в такой «союз» с Америкой, который подрывает ее экономику и ущемляет ее независимость. В результате этого союза она согласилась приступить к выполнению такой программы вооружений, которая является страшной угрозой для английской экономики теперь и еще более страшной угрозой для мира во всем мире в будущем.

Лейбористы не только сохранили капиталистический строй в Англии в неприкосновенном виде, но в некоторых отношениях даже укрепили его. Правда, некоторые давно назрелившие частичные меры по улучшению социального обслуживания были проведены, но только благодаря усилиям рабочего класса. В общем же светлые надежды миллионов трудящихся, голосовавших за лейбористов в 1945 году потому, что они обещали строить социализм, не оправдались. Эти надежды разбиты правыми лейбористскими лидерами, до конца сыгравшими свою историческую роль приказчиков класса капитализма. За эти шесть лет английский империализм остался тем же английским империализмом. Самой свежей иллюстрацией этому является, конечно, нынешние серьезные события в Иране и в Египте, война в Корею и война в Малаю. Лейбористская Англия не в меньшей степени, чем Англия консервативная, показала себя империалистической страной.

Теперь перед английским народом стоит суровое испытание — реакционный режим тор, возглавляемый Уинстоном Черчиллем, инициатором так называемой «холодной войны», злейшим врагом социализма и рабочего класса. Трудящиеся массы Англии должны быть ныне готовы к тому, чтобы с новыми силами встали на защиту своего жизненного уровня, на борьбу за мир. На их плечи ляжет теперь еще более тяжелая ответственность перед сторонниками мира во всем мире.

Правительство, которое консерваторы сформируют через несколько дней, будет правительством бизнесменов, правительством, представляющим интересы крупных монополий. Оно, несомненно, будет пытаться еще больше понизить жизненный уровень английского народа, еще более усилить подготовку к третьей мировой войне. Оно попытается сделать Англию еще более покорным сателлитом американского империализма. Оно с удвоенной энергией будет стараться подавить сопротивление угнетенных народов английских колоний.

Против всего этого английский рабочий класс поведет в предстоящие месяцы решительную и самоотверженную борьбу. Чтобы эта борьба была эффективной, ему нужно будет добиваться большего единства и сплочения своих рядов, а также высвободиться из-под влияния право-лейбористских лидеров, которые до сих пор вели рабочих по гибельному пути.

ЛОНДОН, 26 октября. (По телеграфу)

Мундир английский, паша турецкий, премьер иракский...

На днях дипломатический обозреватель лондонской газеты «Ньюс кроникл» Уильям Форрест опубликовал статью под претенциозным заголовком «Мужество Нури Саида». Воздавая должное премьер-министру, который якобы ведет Ирак «по пути мира и прогресса», автор все же прочитает своему герою печальный конец. Перечислив всех «проанглийских» лидеров, убитых за последние время на Ближнем Востоке в результате империалистических махинаций, Уильям Форрест эпически восклицает:

«Спросите кого угодно к востоку или к западу от Суэцкого канала, кто следующий на очереди? Вы получите ответ — Нури Саид».

Кто же такой этот государственный деятель, которому «Ньюс кроникл» при жизни преподносит столь пышный некролог?

— Купите премьера! Купите Саид-пашу! Только пошляк! Принимаются американские доллары и турецкие лиры...

Едва успеваешь иностранец, прибывший в знойный Багдад, сойти с поезда или самолета, как сразу же подвергается атаке бойких чумазых мальчишек, наперевы предлагающих традиционные иракские финики. Фальшивые алмазы и открытки с изображением пожилого мужчины в англо-иракском военном мундире. Юные торговцы действуют столь напористо, что через секунду почтенный паша-премьер с ухмыляющейся физиономией оказывается в кармане иностранца.

Сэр Нури Саид-паша — почти бессменный министр и премьер-министр правительства короля Ирака и покорный слуга его превосходительства британского посла в Багдаде, восседающего в своем «домике на реке», — роскошной выле в центре иракской столицы.

Титул «сэр» и мундир генерала пожалованы Нури Саиду за тридцатипятилетнюю службу британской короне, титул «паша» — за кое-какие услуги турецкому правительству. Что касается его службы иракскому народу, то по этому поводу лучше всего обратиться к свидетельству иракского депутата на Варшавском конгрессе сторонников мира Юсефа Мастана. «Иракские прислужники империализма, по приказу своих хозяев, попили бюджет страны поролом военному ведомству и полиции», — говорил он с трибуны Варшавского конгресса, — «лишь 8 процентов бюджета идет на нужды здравоохранения и социального обеспечения... Все это происходит в стране, насчитывающей 94 процента неграмотных, где количество случаев заболеваний превосходит численность населения. К этому необходимо прибавить страшную нищету среди трудящихся масс и свирепствующую безработицу...»

Выкачивая из Ирака огромное количество «черного золота», английские и американские нефтяные монополии при участии французского и голландского капитала выплачивают Ираку жалкие концессионные отчисления. Нефтепромышленники систематически снижают заработную плату рабочих на промыслах. В то же время цены на продукты и различные товары непрерывно растут и превысили до военного уровня на 600—700 процентов.

Правительство Нури Саида (которое лондонский еженедельник «Трибун» характеризует как ставленников «английских и 1000 феодалов-шейхов, владеющих двадцатью миллионами акров земли») перело на иностранных плантаторов монополию на экспорт продуктов сельского хозяйства, являющегося источником существования 80 процентов населения страны. Это разорило сотни тысяч феодалов и собственных финиковых пальм.

О том, какими самиятиями пользуется в своей стране иракский премьер-министр, свидетельствует следующий факт, о котором без удовольствия рассказывают в багдадских кафе. В Багдаде готовились отметить шестидесятилетие Нури Саида. Родственников пашы и представителей командования британских войск в «независимом» Ираке обратились к одному известному местному литератору с предложением написать к юбилею книгу...

— Что вы, что вы! — отмахнулся литератор. — Уголовная хроника — это не мой жанр... Обратитесь со своим заказом в Лондон, в министерство колоний... Разумеется, писатель тотчас же попал в число «неблагонадежных». Вместе с другими прогрессивно настроенными журналистами и писателями он оказался за колючей проволокой в лагере смерти Нураат-ас-Сильман — одном из десяти концентрационных лагерей, созданных правительством Нури Саида в пустыне для заточения иракцев, которые борются за предоставление стране полной независимости.

Народ Ирака не раз восставал против иностранного засилья и антинациональной политики своих правителей. Забастовки рабочих на нефтепромыслах и железных дорогах, голодные бунты в сельских районах, студенческие демонстрации на улицах Багдада безжалостно подавлялись полицией и армией. Действующие в стране антидемократические законы, особенно «антикоммунистический закон № 51», по существу отдают весь иракский народ во власть тайной полиции и иностранных «советников», засевших в министерстве внутренних дел.

Египетская газета «Аль-Бутля» иронически называет Нури Саида «английским государственным министром по делам ближневосточных стран».

Анкара, Каир, Бейрут, Амман и Дамаск — во всех ближневосточных столицах не раз побывал этот коммивояжер британского империализма. Он плетет сеть интриг и провокаций во всем арабском мире, выступает трубадуром агрессивных проектов, подготовленных в кабинете Форейн-оффиса и Империалджек-сервиса.

Политическая карьера Нури Саида, по сведениям одной арабской газеты, началась свыше тридцати лет назад в Турции при весьма «драматических» обстоятельствах.

Он... утончал!

Однажды летом жители старой части Стамбула обнаружили на берегу бухты Золотой Рог предсмертное письмо и одежку выпускника стамбульской военной школы Нури Саида, полу-турка, полу-араба, известного во всем гарнизоне дебошира и картежника.

— Пышная был, — сокрушались правдивые мусульмане.

Действия правительства Нури Саида, возмущая в глазах иракцев, вызывают бурю возмущения во всех арабских странах.

Не так давно генеральный директор «Ирак петролеум компани» Гибсон, который возглавлял английскую делегацию в Багдаде, заявил, что если бы в Ираке не было британских войск, англичанам не удалось бы заключить новое соглашение с иракским правительством. По его словам, присутствие английских войск позволяло до сих пор «обуздывать» националистические элементы и одновременно «укреплять» положение премьер-министра Нури Саида. Что и говорит, признает весьма откровенно!

Так Нури Саид и его единомышленники не за страх, а за совесть отработывают фунты стерлингов, получаемые от Англо-Иракской нефтяной компании.

Фигура Нури Саида давно привлекает внимание американских империалистов, претендующих на господство над Ближним Востоком. Вашингтонским политикам и бизнесменам не в новинку перекупать и бизнесменов, не в новинку ставленников. И не случайно иракскую столицу без конца посещают делегации Международного банка реконструкции и развития, сотрудники государственного департамента США, американские генералы, сенаторы и конгрессмены, делегаты-спекулянты.

Они соблазняют иракских государственных деятелей займами и «помощью» в соответствии с прословутым «четвертым пунктом» программы Трумэна. Взамен они требуют «свободного» вложения капиталов в экономику Ирака; навязывают «разработку» планов ирригационных работ в долинах Тигра и Евфрата; подбивают иракских правителей передать нефтяные концессии американским компаниям, обещая платить более щедро, нежели английские монополии.

Газета «Нью-Йорк таймс» пишет о стремлении США установить «сердитые» отношения с Ираком. По словам газеты, иракское правительство готово предоставить промышленникам Америки «все возможности» для развертывания их деятельности. В июле иракские газеты сообщали, что Нури Саид направил в США миссию для переговоров с американскими нефтяными фирмами. Американская «Келлог» компания готовится к постройке в районе Эль-Махмудия нового нефтеочистительного завода.

Балансируя между старыми английскими и новыми американскими хозяевами, опытный в колониальной услужливости перед империалистами Нури Саид по мере сил служит и тем и другим.

Англо-американские империалисты стремятся превратить Ирак в один из плацдармов для нападения на СССР. Правительство Нури Саида, как сообщает иностранная печать, уже приняло предложение США и Англии «присоединиться» к так называемому «средневосточному командованию» — новому филиалу агрессивного штаба Эйзенхауэра.

Жестоким террором Нури Саид надеется подавить сопротивление народа этим агрессивным планам. Он установил в Ираке фашистский режим. Запрещены все прогрессивные политические партии и организации. Движение сторонников мира объявлено вне закона. Закрыты 237 газет, журналов и других периодических изданий. Тысячи прогрессивных граждан, борющихся за мир и независимость, брошены в концентрационные лагеря.

В мае-октябре в Ираке прокатилась новая волна массовых арестов. В тюрьмы и концлагеря заключены видные прогрессивные деятели, рабочие нефтепромыслов, учителя, врачи, студенты, офицеры иракской армии. Это Нури Саид извращает от людей, которые требуют национализации иракской нефтяной промышленности и могут помешать его переговорам с американскими нефтяными компаниями.

«Мы предлагаем конгрессу», — говорил на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира иракский делегат Юсеф Мастана, — «осудить правительство Франко, Тито, Паллариса, Малаю и Нури Саида, как фашистские, и объявить их убийцами, преступниками и поджигателями войны».

Глядящая с зубочных открыток смешалась физиономия иракского премьера — это лишь маска. В действительности Нури Саид-паша отнюдь не чувствует себя спокойно. «В настоящее время», — пишет иракская газета «Аль-Худа», — «Ирак представляет собой вулкан, извержение которого вот-вот начнется... Нури Саид, сильно напуганный народным движением, спешно закупает дома в Египте для того, чтобы иметь убежище в случае взрыва народного возмущения...»

Но вряд ли в Египте, как и в других странах Ближнего Востока, нури саиды чувствуют себя спокойнее...

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

— Проигрался в карты, — высказывали мнение другие.

— Отбавляй владельца чайханы, — говорили третьи.

И все они были правы...

Каково же было всеобщее удивление, когда выяснилось, что Нури Саид отнюдь не утонул! Стараясь замести следы, он симулировал самоубийство и при помощи английского разведчика и диверсанта полковника Лоуренса перелазил в Египет — главную британскую базу, откуда английский генерал Алленби начал захват провинции Османской империи, чтобы превратить их затем в английские колонии...

Вскоре после окончания первой мировой войны английские колонизаторы при содействии местных феодалов и буржуазии прочно обосновались на Арабском Востоке. Как-то раз Нури Саид, служивший тогда у Лоуренса, был вызван к британскому верховному комиссару в Ираке сару Корналлису для конфиденциальной беседы.

— Кажется, вы смысленный малый, — благосклонно сказал Корналлис, — и служите нам не плохо. Британская империя не забывает своих слуг. В знак благодарности мы хотим выдать вам по посту министра, а может быть, и премьер-министра Ирака...

— Вы почти араб, — продолжал верховный комиссар и бездельно поморщился. — Это должно импонировать местному населению. Но не забывайте, что платим мы! Вы будете проводить здесь нашу, британскую политику...

Корналлис повиснул, и в кабинет вошла одна из его ближайших сотрудниц Гертруда Белл.

— Покажите господину иракскому министру директиву министра колоний Веллсборнтона Уинстона Черчилля.

— Мы требуем от вас, — говорилось в директиве, — путем выяснения иракцев создать в Месопотамии (Ираке) дружественное нам арабское государство...

Впоследствии Гертруда Белл в своих мемуарах писала о том, как было сфабриковано «возмездное» иракское государство: «Мы пережили ужасную неделю, но зато добились короны на престол нашего короля (Фейсаа I. — Г. О.). Я никогда больше не буду братья за произношение королей — это требует слишком большого напряжения...»

Заботами Нури Саида и его английских «советников» и «экспертов» в руки британцев «Ирак петролеум компани» переключал Мосульский нефтепромысловый район, а иракские города Хабания и Шейба стали английскими военно-воздушными базами. Кабальный англо-иракский договор, заключенный Нури Саидом в Лондоне в 1930 году, и поныне дает возможность Англии содержать в стране свои гарнизоны и контролировать внешнею политику Ирака, финансовую систему, транспорт и связь, полицию, жандармерию.

Сейчас, в связи с событиями в Иране, англичане превращают Ирак в базу агрессии против иракского народа. На иракско-иранской границе концентрируются британские войска, в волах Хатт-аль-Араба, отделившегося Иран от Ирака, курсируют английские военные корабли, угрожающие жителям своих оружий предприятия бытшей Англо-Иракской нефтяной компа-

«Бургомистр» Западного Берлина правый социалист Рейтер запретил проведение народного опроса о ремиляризации Германии. Однако, невзирая на преследования со стороны полиции, жители западных секторов германской столицы высказывают свое мнение по этому вопросу. Подавляющее большинство опрошенных — против перевооружения, за заключение мирного договора в 1951 году. НА ФОТО: народный опрос на одной из улиц Западного Берлина.

Снимок из немецкого журнала «Иллюстрирте рундschau»

Они собирают подписи...

С первого же дня кампании по сбору подписей под Обращением Всемирного Совета Мира в Мексике власти по прямому приказу посольства США неистово преследуют борцов за мир.

Реакционные газеты и радио буквально надвываются от угроз и проклятий, судя подписавшим Обращение кары госполице в будущем и... немедленное увольнение с работы. И это не просто угрозы. Была, например, сделана попытка изгнать из университета профессора Карлоса Нобле, секретаря комитета сторонников мира. Но в защиту Нобле решительно выступили студенты.

Реакция широко прибегает не только к террору и запугиванию, но и к обману лжеверных. Агенты Ватикана попытались организовать даже свою собственную «кампанию по сбору подписей», предложив мексиканцам подписывать особое воззвание, прославлявшее «мировую работу» папы римского! Однако и эта затея позорно провалилась.

Известные литераторы и художники вышли на улицы, чтобы собирать подписи. Прославленный создатель революционной стеной живописи Сикейрос вместе со своим другом Риверой, награжденным мексиканской Национальной премией, были одними из первых среди борщиков. Художница Фрида Кало находилась в больнице. Но и она нашла возможность помочь общему делу: прикрепив к стене у своей кровати лист с Обращением, она собрала подписи своих многочисленных посетителей.

В Мексике собраны уже сотни тысяч подписей под Обращением о заключении Пакта Мира.

Свадьба в китайской деревне

В один из ласковых вечеров в деревне Сюэчэн, в центре просторной площади, возник помост, увенчанный большим портретом Мао Цзе-дуна и лозунгами: «Коммунистическая партия ведет нас к светлому будущему», «Да здравствует новый, свободный демократический Китай!» Самостоятельный оркестр исполнил популярнейшую в Китае песню о том, что без коммунистов и Китая нет.

Причину этих торжеств в обычный вечер разглядела длинная полоса красного шелка, протянутая через весь помост, на которой крупными иероглифами было написано: «Сегодня состоится свадьба по новому». Молодожены Чжан Чан-шэн и Ли Шу-май были в центре внимания всех односельчан.

Площадь гудела в радостном возбуждении. Выступили жених и невеста. Жених на виду у всех подарил невесте белоснежный платок и вечное перо, а невеста, в свою очередь, подарила жениху записную книжку.

Председатель женского комитета преподнесла молодоженам два больших букета, а затем неожиданно для всех вынула откуда-то новый венчик и под громкий смех присутствовавших сказала:

— Я хочу поздравить молодоженов новым венчиком, которым они будут мести сор, очищая дорогу к светлому будущему. Новым венчиком подметайте новый кан, на котором у вас должен родиться здоровый ребенок.

Затем слово взяла юная из Ново-демократического союза молодежи. Она высоко подняла левую руку, в которой держал фанар.

В. СЕДМИН

Брак в гоминдановском Китае был самой грубой формой купли и продажи женщины. «Выданная замуж дочь — это все равно, что выплеснутая вода», — так старая поговорка определяла положение китайской девушки в семье.

Помоловленные в детстве девочки отдавались в семье своих будущих мужей и жили там на положении рабынь вплоть до свадьбы. Это были главным образом дети бедняков, доведенных нищетой и голодом до отчаяния. Случалось так, что будущий муж умирал до свадьбы, но и тогда помоловленная не освобождалась от брачных обязательств.

Вот, например, Цзянь Ин из города Чунцина. Она рассказывает:

«Когда мне было только два года, мать обручила меня с моим троюродным братом Цань Цаном. К тому времени, когда я готовилась к выпускному экзамену в предпоследнем классе средней школы, мать прислала мне письмо, приказывая тотчас же явиться домой. Вернувшись, я узнала, что жених находится при смерти, и поэтому мои родные договорились, чтобы я немедленно вышла за него замуж. Я умоляла их пощадить меня, но мать сказала: «Ты помолвлена с ним, так что ты уже принадлежишь его семье. Твоя будущая свекровь надеется, что этот брак отывет от него злого духа и спасет ему жизнь. Я ничего не могу поделать». Она, как и я, заплакала, повторяя одну и ту же фразу: «Какая злая твоя судьба!» Три дня спустя меня привезли в красный паланкин в дом умирающего. Я чуть не упала в обморок, когда узнала, что он находится в горячке в бессознательном состоянии. Через две недели он умер. Я оказалась вдовой. Свекровь сказала мне: «Во избежание сплетен ты, как вдова, не должна выходить из дома. Вдова из хорошей семьи позорит своих родных, если думает о замужестве!»

Хорошей лошади не нужно двух уздечек, а хорошая девушка никогда дважды не выходит замуж!»

Безвозвратно прошли времена господства реакции в Китае. Народная власть, созданная на обломках прогнившего гоминдановского режима, принесла полное освобождение китайской женщине.

Права китайской женщины закреплены в общей программе Народного политического консультативного совета Китая. «Китайская Народная Республика отменяет феодальный режим закрепощения женщины. Женщины пользуются одинаковыми правами с мужчинами в политике, экономике, культуре, просвещении и во всех областях общественной жизни. Вводится свобода брака как для мужчин, так и для женщин».

В прошлом году правительство Битайской Народной Республики опубликовало специальный закон о браке, являющийся одним из новых завоеваний китайского народа в борьбе против остатков феодализма.

Теперь китайскую женщину можно встретить на любом участке культуры и хозяйственного строительства. Когда девушка Тянь Гуй-ян впервые поведла паровоз, многие считали это невероятным. Но это было так. Тянь совершила пробег в 40.000 километров на паровозе без капитального ремонта и поставила перед собой цель — довести пробег до 100.000 километров. Ее позыв завет сердца тысяча. Девушка Лян Цзын стала первой в Китае трактористкой.

Более 28 лет существует трамвай в столице северо-востока Китая — Мулдене, но до 1950 года им управляли только мужчины. Пять девушек — Ли Май-чжи, Фан Хой, Го Хэ-лянь, Юй Шао-и и Цяо Фу-жун — пошли наперекор старому и первыми в городе овладели профессией вагоновожатого.

Великие перемены происходят во всем Китае. Наступление нового победо огромному весеннему потоку, очищающему прекрасную китайскую землю от тысячелетних феодальных пережитков.